ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 38 (2421) Среда, 12 мая 1948 г. Цена 40 коп.

Великое дело народного образования

— Рабочий класс и крестьянство, иначе говоря, весь народ, взявшие власть в свои руки, хотят удержать эту власть, хотят построить новую жизнь, т. е. коммунизм... Для того, чтобы власть окончательно укрепить и построить коммунизм, надо, чтобы народ имел собственную интеллигенцию, надо, чтобы народ стал образованным, надо, чтобы исчезла противоположность и всякое различие между интеллектуальным и физическим трудом. А когда интеллектуальный труд не будет отличаться от физического? Только тогда, когда все наши люди, весь народ будет образованным, когда мы построим коммунизм. Сделать весь народ огромного, многонационального Советского Союза образованным — это одна из величайших задач...

Так говорил Михаил Иванович Калинин учителям-орденоносцам сельских школ.

Под'ем культуры, невиданный в истории человечества рост образованности населения страны, высокая степень уважения к знанию, проникающая в широчайшие народные массы на огромной территории от Дуная до берегов Тихого океана,— эти особые свойства составляют одно из величайших завоеваний нашего социалистического строя.

Нет в мире страны, которая способна была бы состязаться с Советским Союзом в широте и размахе народного образования.

Неудивительно, что нет в мире такой страны!

Только в Советском Союзе мировоззрение народа зиждется на научных основах учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Только в нашей стране самая демократическая в мире Сталинская Конституция законодательным путем закрепила завоеванное Великой Октябрьской революцией право всех граждан на образование. Только у нас, в сталинскую эпоху высокого развития техники и науки, имеется такая широкая возможность приобщения к знаниям миллионов подрастающих юношей и девушек.

На XVIII с'езде партии товарищ Сталин, характеризуя культурную революцию в нашей стране, на первое место поставил всеобще-обязательное первоначальное образование на языках национальностей СССР.

Велика и многообразна забота нашего государства о школах и детских учреждениях. Профсоюзы, комсомол, предприятия, колхозы, учреждения в тысячах городов и сел нашей страны оказывают школе непосредственную и бескорыстную помощь.

Советское правительство расходует на народное просвещение огромные средства. За 10—12 предвоенных лет было построено свыше 60.000 новых школ.

Около 200.000 общеобразовательных школ насчитывает сейчас Советский Союз! 30 миллионов школьников обучаются в нашей стране, — что ж, это равняется населению Испании, это больше, чем население Австрии, Бельгии и Нидерландов вместе взятых!

Огромные перемены произошли в культурном развитии народов братских союзных республик. В царские времена среди них было не более 3—5 грамотных на сто человек.

Мудрая ленинско-сталинская национальная политика совершила подлинный культурный переворот в национальных республиках Советского Союза. В 1914 году в начальных школах обучалось всего 400 таджиков, в 1938 году — 235.000. Рост почти в 600 раз! В Казахстане сейчас обучается детей в 50 раз больше, чем до революции.

Так повсеместно — в бесчисленных школах Советского Союза, а затем в техникумах и вузах — рождает народ собственную интеллигенцию, так из поколения в поколение—под солнцем сталинской заботы о детях — десятки тысяч рабочих и крестьянских семей всех народностей СССР дают своему государству талантливых и высокообразованных деятелей — министров и директоров, ученых, инженеров, врачей, геологов. Так приходят в школу, где росли и учились, и становятся рядом с любимыми и родными своими воспитателями-учителями армии новых молодых учителей и учительниц—цвет и гордость нашей интеллигенции, люди великого и благородного дела.

Этот исторический процесс создания подлинно народной интеллигенции особенно нагляден в школах рабочих поселков, окружающих старые заводы. Зайдите в школу имени баррикад 1905 года в Сормове. Поговорите с учителями этой школы, расспросите старых мастеров завода, которые помнят еще время, когда в здании этой школы помещался штаб вооруженного восстания и снаряды из царских пушек вгрызались в стены дома. Вам расскажут о больших людях страны, которые вышли из стен этой сормовской школы. Нет потомственной рабочей семьи в Сормове, которая не дала бы стране командиров народного хозяйства, специалистов-интеллигентов, и все они вышли в жизнь из классов дорогой сормовичам школы.

Даже в годы войны, когда все силы советского народа были отданы делу победы, наше государство, большевистская партия и правительство не сократили сеть народного образования. В силу вынужденных обстоятельств многие школы и здания детских учреждений были отданы под военные госпитали, рабочие общежития или цехи новых предприятий. Но школы продолжали действовать — работали в три смены, в трудных условиях, лишь бы охватить весь контингент учащихся. Еще не описан в нашей литературе самоотверженный труд народного учителя в годы Великой Отечественной войны.

Времена эти миновали. Тысячи раненых вернулись в строй жизни. Сеть военных госпиталей свернута. Теперь нет никаких об'ективных причин для того, чтобы хотя бы в малой степени ущемлять интересы наших детских учреждений и в первую очередь — школы.

Между тем, в ряде городов и сел нашей страны здания школ, детских садов и яслей, несмотря на неоднократные решения правительства, все еще используются не по назначению.

Писательская общественность не может мириться с вопиющими фактами нарушения советских законов, обеспечивающих дело народного образования. Писатели советской страны со страниц «Литературной газеты» требуют решительного и резкого изменения отношения ряда руководителей министерств и заводов, городских советов к вопросу о срочном возвращении зданий по принадлежности — школам и детским учреждениям.

Мы публикуем сегодня статью писателя Николая Атарова «Это принадлежит детям!» Примеры и факты, приведенные в этой статье, требуют немедленного вмешательства. Необходимо добиться, чтобы еще до осени, до начала нового учебного года десятки и сотни школ были освобождены от их временных постояльцев.

Необходимо понять, что тот, кто сегодня ущемляет — из каких угодно побуждений — интересы детских учреждений и школ, тот неизбежно ущемляет государственные. общенародные интересы.

Шире дорогу делу народного образования и коммунистического воспитания! Пусть в здании каждой школы растет и зреет наше великое и светлое будущее! Пусть быстрее и лучше будет решена одна из величайших задач — сделать образованным весь народ огромного, многонационального Советского Союза!

Это принадлежит детям!

Николай АТАРОВ

В годы войны никто не обижался на то, что школы используются не по назначению. Вспоминаю, как в дни наступления квартирьеры прямо с бою, вместе с автоматчиками врывались в село или город, чтобы захватить школьные здания под полевые госпитали и медсанбаты.

Помню ночлег в Мешковской школе, зимой на Дону. Сидя за партами в захламленном классе. мы с горечью говорили о разорении школ; тут сказалась вся нежность к далеким, оставленным ради войны детям, когда бойцы разглядывали остатки брошенного в углу глобуса, разорванных наглядных пособий «по водоплавающим» и колбочек из физического кабинета.

И когда разговорились так, по душам, о детях. кому-то в ту ночь не спалось. Все, помню, парта поскрипывала — то ли было тесно взрослому человеку в детской мебели, то ли уж очень обидно за это школьное разоренье. А в Меловатке, под Калачом Воронежским, когда лихой начхоз медсанбата приказал, от'езжая из школы в новое село, сорвать со стен водосточные трубы,—хороши будут для печек на новом месте,—раненые не позволили ему разорять сельскую школу, помню, дело чуть до костылей не дошло.

Из далеких тыловых городов дети писали отцам-фронтовикам, что теперь далеко ходить в школу, своя занята, а чем занята—этого написать нельзя, это военная тайна... И в этом тоже не было ничего обидного. Народ хорошо видел цель, за что он воюет: чтобы среди всего мирного, хорошего, счастливого—и дети тоже поскорее вернулись в школы...

Кажется, «петушок пропел давно».

Непонятно, уму непостижимо, как до сих пор некоторые малые и большие хозяйственники и городские власти не сообразят — умом, а главное, сердцем, что война давно кончилась, а значит, исчезли те причины, по которым никто не обижался на то, что школы использовались не по назначению.

Теперь пора настала такая, чтобы возвратить детям их помещения: тем, что постарше, — школы и детские дома; тем, что поменьше,—детские сады; самым маленьким — ясли; тем, что еще только собираются родиться, — родильные дома.

Многочисленные тревожные сигналы отовсюду свидетельствуют о том, что заскорузлые в делячестве люди не понимают самых простых вещей, понятных даже детям: что нельзя, например, обижать маленьких, за это бьют!

В газету пишут учителя из разных городов. Большими круглыми буквами — сами дети! — пишут о том, что какие-то недобросовестные люди упорствуют, не желая понимать общенародного значения дела коммунистического просвещения и образования, дела детского здравоохранения.

Десять лет припеваючи жили ребята в селе Марьевке, Куйбышевской области. Здесь по-настоящему заботились о детском саде: дом переоборудовали, огородили участок, высадили деревца, построили надворные службы, погреб. Летом 1946 года комнаты выкрасили масляной краской.

Это был хороший детский сад, — каких тысячи в городах и селах нашей Родины.

Все было хорошо в Марьевском детском царстве, пока не вернулся с войны Герой Советского Союза И. Пеньков. Принимая дорогого гостя, земляка-героя, райисполком на выбор предоставил ему два дома, да еще на придачу 12 тысяч рублей на ремонт! Но герой от хлопот по ремонту отказался и восхотел себе под жилье... детский сад. Лучший дом на селе!

«Так тому и быть», — решил Куйбышевский облисполком. «Герою не препятствую», — согласился прокурор Пестравского района. И вот, несмотря на протесты Областного отдела народного образования, детский сад отныне ютится на краю села, в тесноте, вместе с хозяевами полуразрушенного дома. А в светлом, окруженном зеленью, заботливо благоустроенном доме родственники И. Пенькова живут припеваючи.

Те, кто участвуют сгоряча в подобных решениях, — конечно, по необходимости, как говорится, позарез и так далее, — видимо, на несколько минут выключают, как лампочку, совесть коммуниста. Иначе нельзя об'яснить: слишком это противоречит ленинской и сталинской заботе о детях.

В других местах детские сады и школы занимают не для личных удобств, а под учреждения. Но дело народного образования от этого не выигрывает.

В городе Воткинске, где из 17 школ — шесть трехсменных, в школьном здании пекут хлеб, — там хлебопекарня. В Архангельске выдают паспорта,—там городское отделение милиции. В Свердловске подсчитывают гривенники,—там контора трамвайного парка. В Москве, — да, в Москве. — баяны изготовляют в здании средней школы по Славущенскому переулку, — там баянная фабрика.

Нет слов, нужны и баяны, и милиция, нужны и конторы. Домов нехватает, надо скорее строить новые, да побольше.

Но вот жилищно-строительная контора Моссовета сама в'ехала, да еще с разрешения Мосгорисполкома, в здание школы на Большой Ордынке. И проблема выселения строительной конторы оказывается тоже долговременным предприятием ввиду... недостатка жилой площади.

Что же это такое! Что за доблесть такая — оттягать у детей дома, где они должны были бы расти да набираться знаний; что за честь такая — забаррикадироваться в этих домах конторскими столами, уши заложить ватой, чтобы не слышать звонка, который давно уже собирает детей на урок; что за слава такая — воевать со школами и яслями в нашем социалистическом обществе!

В шесть часов вечера, в зимней тьме, собираются восьмилетние малыши в школы. В Кашире они проходят мимо освещенных окон управления Московско-Донбасской железной дороги. В Челябинске — мимо общежития завода «Калибр». В Куйбышеве — мимо заводоуправления «Шарикоподшипника». Здесь они могли бы учиться — это их здания по праву. Но школы захвачены взрослыми начальниками, видимо, бездетными и потому просто бесчувственными. Надо итти в дальние школы и там заниматься в третью смену.

«Третья смена» — что это такое? После проведенного на ногах дня второклассники уже после первого урока таращат глаза, им хочется спать. Класс не проветрен — в нем занимались уже в течение всего дня. Время сжато — короткие переменки между уроками, нет времени даже пробежаться по коридору. В коридорах переуплотненной школы — толкотня. Ни одной комнаты, свободной для внеклассной работы, для литературного или драматического кружка, для пионерского сбора.

В одиннадцать часов вечера, мимо уже погашенных окон контор, общежитий, баянных фабрик, сонные дети возвращаются по домам.

Мы посвящаем рассказ об этих ночных прогулках ребят, в частности, министру автомобильной промышленности товарищу Акопову. Его предприятия, могущественные и богатые, почему-то особенно не в ладах с детьми.

Сто пятьдесят работниц Горьковского автомобильного завода и сотни матерей автозаводского района не могут поместить детей в ясли, потому что директор тов. Лоскутов занял ясли № 8 под общежитие, а ясли № 7 — под контору.

В городе Куйбышеве школы так стеснены, что во Фрунзенском районе, например, на 171 класс приходится всего 81 комната. Между тем, с 1943 года две средних школы в этом районе города Куйбышева заняты под рабочие общежития завода «Шарикоподшипник». Они подлежали освобождению уже 1 августа прошлого года, но министерство добилось отсрочки до 1 июля этого года. Что же, близятся и эти сроки, товарищ Акопов! Пора писать новую бумагу?..

В редакцию «Литературной газеты» приходят посетители. Многие — чтобы рассказать о замечательных делах советских людей. Иные — за законной поддержкой против чиновников, глухих и черствых. Товарищ Пудин, заведующий отделом народного образования города Саратова, пришел и сказал слова гневные, справедливые и не требующие комментариев. Тринадцать школ «гуляют» в Саратове со времен войны. И одна из них, конечно же, числится за товарищем Акоповым. Уже шлют из Саратова телеграммы с завода — в Министерство автомобильной промышленности просить о новом заступничестве. Пусть-ка школа еще год поживет в бараке.

— Что за доблесть такая? — спрашивает товарищ Пудин. — С кем воюет саратовский «Шарикоподшипник»?.. Ведь я-то защищаю интересы детворы того же завода!

Товарищ Пудин напоминает о самом главном, решающем, — о гуманистической природе нашего общества. Он справедливо ждет от хозяйственников и городских советских и партийных работников открытого, полного сердечности, активного отношения к возвращению детских учреждений в свои законные — довоенные — здания.

Необходимо согласиться с этим без спора — даже тем, кому это согласие сулит хлопоты скоростного строительства. Правительственные решения должны быть выполнены.

Встреча писателей с инженерами-механизаторами

В Центральном Доме литераторов состоялась интересная встреча писателей Москвы с инженерами-механизаторами, организованная секцией очерка и публицистики ССП.

Открывая вечер, лауреат Сталинской премии Б. Агапов говорил о механизации трудоемких процессов, как о большой теме, выдвинутой перед писателями послевоенной сталинской пятилеткой.

Тов. А. Вяткин рассказал собравшимся о ходе механизации, о том, как в результате ее резко повышается производительность труда, экономятся многие миллионы рублей для народного хозяйства.

Механизации земляных работ посвятил свое выступление профессор Н. Домбровский. Путь от первого русского водомета до мощного советского гидромонитора охарактеризовал профессор Н. Холин.

— Немногие представляют, — сказал он, — что при скорости ста метров в секунду вода становится сильнее стали и способна разрушать даже такие породы, как гранит. Неоспорим приоритет русской инженерной мысли в гидромеханизации. В 1836 году в России вышла книга Павла Мельникова «Основание практической гидравлики», а лишь спустя 17 лет американец Фишер сообщил о применении гидромониторов в Калифорнии.

С большим интересом выслушали литераторы профессора А. Конорова, рассказавшего о новых индустриальных методах строительства, о комплексной механизации, примененной на прокладке газопровода Саратов — Москва, о замечательных достижениях советских строителей при скоростном создании новых доменных печей в Чусовой и Запорожье по совмещенному графику работ.

Ряд важных проблем механизации трудоемких и тяжелых работ был освещен в выступлениях члена коллегии Министерства лесной промышленности СССР тов. И. Воронова, кандидата технических наук тов. А. Лепского, начальника Управления механизации трудоемких и тяжелых работ тов. И. Куракова.

На вечере выступили Б. Агапов, Б. Галин, Вс. Иванов, М. Никитин, Б. Леонидов, А. Аграновский.

Пленум правления ССП Грузии

Состоялся пленум правления Союза советских писателей Грузии, в работах которого приняли участие секретарь ЦК КП(б) Грузии по пропаганде тов. П. Шария и заместитель генерального секретаря Союза советских писателей тов. Н. Тихонов. Пленум обсудил доклад председателя правления С. Чиковани об итогах работы президиума и задачах Союза советских писателей Грузии. Докладчик рассказал о большой работе, проведенной Союзом советских писателей Грузии по реализации исторических постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам.

Положительно оценив ряд произведений, опубликованных за последнее время, докладчик указал на слабые стороны некоторых из них. Резкой критике подверг тов. Чиковани произведения К. Гамсахурдиа. Переизданный им роман «Похищение луны» страдает многими идейными и художественными недостатками. В романе «Давид Строитель» не показаны народ и его культура.

Заключительную часть доклада тов. Чиковани посвятил вопросам литературной критики и литературоведения.

В прениях выступили прозаики, поэты, литературные критики, осветившие важные проблемы грузинской литературы.

С большой речью выступил тов. Н. Тихонов. Он обрисовал картину нового под'ема советской литературы, наметившегося после исторического постановления ЦК ВКП(б), и подчеркнул необходимость активного вторжения писателей в жизнь.

Пленум вывел из состава президиума правления Союза советских писателей Грузии тов. К. Гамсахурдиа и ввел в состав президиума тов. Ш. Дадиани.

НОВЕЙШИЙ БУРБОН

Выступая на конгрессе так называемого движения за «Об'единенную Европу», инициатор этого конгресса Черчилль сообщил, что идею об'единения Европы «против опасности с Востока» он заимствовал у Генриха Наваррского (1553 — 1610) первого французского короля из династии Бурбонов.

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Генрих Наваррский и Уинстон Долларский

НОВАЯ ОТРАСЛЬ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ

МАШИНЫ НА СМЕНУ РУЧНОМУ ТРУДУ ◆ ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ СТАНЦИИ В ТАЕЖНОЙ ГЛУШИ ◆ ПАРОВОЗ И АВТОМОБИЛЬ ВТОРГАЮТСЯ В ЗЕЛЕНУЮ ЧАЩУ ◆ ГОРОДА В ДРЕМУЧИХ ЛЕСАХ

— В лесах нашей страны, составляющих около трети всех лесных богатств мира, происходит огромный технический переворот, — заявил в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» министр лесной промышленности СССР Г. М. Орлов.

В Законе о пятилетнем плане записано: «Превратить заготовку и вывозку леса из отрасли, в которой преобладает ручной труд, в развитую механизированную промышленность с постоянными и квалифицированными кадрами рабочих».

— Постановлением, принятым в развитие Закона о пятилетнем плане,—заявил далее министр,—правительство обязало машиностроительные министерства изготовить в три года для лесной промышленности десятки тысяч машин и механизмов. Создаются сотни новых лесных предприятий с богатым машинным парком, собственными электростанциями и сетью лесовозных дорог. На смену двухручной «дровянке» и лучковой пиле идет электрическая пила. Она спиливает дерево в 20—30 секунд. Источником энергии для электропил служат передвижные электростанции. Каждая из них питает током от четырех до восьми электропил. Министерство лесной промышленности организовало на одном из своих заводов серийное производство передвижных электростанций.

Для комплексной электрификации лесозаготовок предназначаются постоянно действующие центральные электростанции мощностью до 200 киловатт. Топливом для них будут служить древесные отходы.

— Интересные опыты питания электромоторных пил энергией от высоковольтной сети проведены в Свердловской области, — заметил тов. Орлов. — Они увенчались полным успехом. Лесные предприятия включаются в районное энергетическое кольцо подобно любому индустриальному предприятию.

Самая трудоемкая работа на лесозаготовках — это трелёвка, то-есть подвозка древесины с лесосеки к промежуточным складам или к лесовозным дорогам. До сих пор она выполнялась рабочими с помощью конной тяги. Советские инженеры сконструировали новую машину — трелёвочный трактор, заменяющий 10—15 возчиков с лошадьми.

— Широко механизируется вывозка древесины, — подчеркнул министр. — Гужевая транспортировка по обычной снежной дороге отживает свой век. Основной машиной на тракторной вывозке леса будет новый мощный трактор Челябинского завода — «Сталинец-80». Первые партии тракторов этого типа уже работают.

Расширяется применение автомашин. Автотракторный парк постепенно переводится на древесное топливо. Спроектирован паровой автомобиль и изготовляется его опытный образец. В районах механизированных предприятий, в дополнение к существующим, сооружается свыше 13 тысяч километров новых узкоколейных железных дорог.

В большом количестве с отечественных заводов будут получены лебедки для трелёвки и погрузки леса, краны для погрузочно-разгрузочных работ, различные машины для дорожного строительства и другие механизмы.

— Никогда еще наши леса не видели такого «нашествия» машин, — продолжает тов. Орлов. — Механизация коренным образом изменит условия труда на лесозаготовках и повысит его производительность.

Лесная промышленность пополняется работниками новых профессий, еще неведомых или довольно редких в лесу, — мотористами, электромонтерами, машинистами паровозов, строителями железных дорог, крановщиками, токарями, слесарями, фрезеровщиками, вулканизаторами, не говоря уже о шоферах и трактористах.

Тов. Орлов рассказывает об огромном внимании государства к нуждам рабочих и специалистов лесной промышленности. Для них сооружаются благоустроенные электрифицированные и радиофицированные лесные поселки городского типа со школами, клубами, библиотеками, детскими яслями и садами, кинотеатрами и стадионами. Постоянным рабочим предоставляются приусадебные участки земли. Каждый рабочий может построить или приобрести готовый дом в две-три комнаты, причем оплата стоимости этого дома производится в течение 10—12 лет. В этом году в лесных поселках будет построено свыше 10 тысяч таких индивидуальных домов.

— Мне хотелось бы, — заявил министр, — обратить внимание писательской общественности на это интересное и важное государственное дело — строительство лесной индустрии. В нашей литературе уже созданы выдающиеся произведения на темы борьбы советского народа за хлеб, уголь, металл, за электрификацию страны. Становление лесной индустрии — достойная тема для новых произведений.

— Полная механизация всех трудоемких процессов на лесозаготовках — дело самого близкого будущего, — говорит далее тов. Орлов. — Тем досаднее, что отдельные организации медлят с выполнением заказов лесной промышленности.

В «Литературной газете» была опубликована статья «О том, как мелочь стала проблемой». В ней шла речь о Министерстве станкостроения СССР, плохо выполнявшем наши заказы на напильники. На этот раз мне хотелось бы обратить внимание общественности на нерадивое отношение к нуждам лесной промышленности со стороны Министерства вооружения и опять-таки Министерства станкостроения СССР. Первое из них затягивает изготовление поковок для тракторных саней и погрузочных кранов, а также проектирование облегченного паровоза нового типа для узкоколейных железных дорог; второе плохо снабжает лесозаготовителей наждачными кругами для точки электропил.

— Строительство механизированных предприятий, обслуживаемых постоянными кадрами квалифицированных рабочих, — сказал в заключение министр, — дает возможность лесной промышленности перейти на бесперебойную круглогодовую работу. Механизация позволит лесозаготовителям проникнуть в глубь необозримых лесных массивов Северного Урала, Сибири, Дальнего Востока, раскрыть таежные богатства для нужд нашей Родины.

Конференция молодых читателей

В клубе Московского государственного университета 10 мая открылась организованная газетой «Московский комсомолец» и правлением Союза советских писателей конференция молодежи Москвы и Московской области, посвященная советской литературе 1947 года. В клуб пришли молодые читатели — рабочие, инженеры, студенты, учителя, комсомольские работники, чтобы поделиться своими впечатлениями о новых книгах, обсудить итоги минувшего литературного года.

Вступительное слово произнес заместитель генерального секретаря Союза советских писателей К. Симонов.

На первом заседании выступили: заведующий отделом пропаганды Тимирязевского райкома ВЛКСМ Брагин, студент МВТУ имени Баумана Виноградов, начальник технического контроля одного из заводов Иванов, студент Института внешней торговли Можаров, преподаватель 169-й школы Гуревич, работник Министерства путей сообщения Костомарова, студент МГУ Билинкис, студент Библиотечного института Милованов, поэт Ошанин.

Сегодня конференция продолжается.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ВОИНОВ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). 8 мая в Доме писателя имени Маяковского состоялось торжественное открытие мемориальной доски с именами ленинградских писателей, погибших в боях за Родину. Митинг открыл Илья Авраменко. От имени партийной организации выступил А. Зиновин. Слово о писателях-воинах, отдавших свою жизнь за честь, свободу и независимость нашей Родины, произнес Николай Браун.

На мемориальной доске начертаны имена: А. Бычков, В. Ганибесов, М. Гейзель, А. Горбенко, Г. Дедов, И. Дмитроченко, И. Зельцер, Ю. Юнге, Л. Канторович, Ф. Князев, Б. Костров, Е. Лаганский, А. Лебедев, Б. Левин (Дойвбер), И. Молчанов, Е. Панфилов, А. Самар, А. Селифонов, С. Семенов, Е. Соболевский, Г. Суворов, М. Троицкий, И. Федоров, О. Цехновицер, М. Чумандрин, И. Шорин, А. Экк.

З. АГРАНЕНКО

Управляющий банком

Шло одно из тех ответственных совещаний, на которых принято говорить кратко и точно. Только что закончился доклад директора прославленного ленинградского машиностроительного завода.

В прениях слово предоставили управляющему Ленинградской конторой Государственного банка Гулину. Все насторожились...

Гулин, финансист, остался недоволен докладом директора. Ему представляется неправильным метод хозяйствования руководителя завода. Он имеет в виду не технологический процесс, а финансовое состояние завода.

Управляющий банком раскрыл папку.

— Получив заказ на гидротурбину, — назовем ее условно «Гидротурбиной № 1», — вы запланировали накладных расходов четыреста три процента. А уложились — в триста три. Вам следовало бы учесть опыт производства турбины № 1, но вы этим опытом пренебрегли и, получив заказ на турбину № 2, снова запланировали четыреста три процента и на второй турбине сэкономили еще больше. Разницу против плана вы считаете прибылью. А так ли это? Вы забыли, в чей адрес отгружаете гидротурбины и кто вам их оплачивает. Нет, это не экономия и не прибыль, а нажива. А между прибылью и наживой есть принципиальная разница. И вам следует эту разницу знать!

Возник спор. Директор защищал интересы своего завода, но, в конце концов, вынужден был признать правоту государственного взгляда управляющего банком.

— Федору Григорьевичу с его колокольни видней, — пробормотал кто-то.

Нет, не просто и не легко управляющему банком видеть то, чего не видят другие.

— Мы должны быть неумолимы в защите интересов государства! — говорят советские финансисты. И неумолимость, государственная строгость стали нормой их поведения.

Банк кредитует промышленность.

Все предприятия и учреждения города производят свои расчеты друг с другом через банк. Сюда в десять часов утра приходят сотни посетителей. Они растекаются по операционным залам, секторам, кабинетам. Кассиры, бухгалтеры, инкассаторы, начальники финансовых отделов, директора предприятий. Им не всем нужен лично управляющий банком, но об их приходе в банк знает тов. Гулин — по информации заведующих секторами, по тем бумагам, которые он рассматривает и утверждает.

Чаще всего бумаги — денежные документы, фиксирующие сумму кредитов или расчетов, письма с просьбой дать совет, оказать помощь, нажать на покупателей, не погасивших долга. Иногда документы взывают о помощи. Иногда они только полуправдивы и не досказывают всего.

Управляющий банком читает бумаги, и ему становится ясным положение клиента, он пишет резолюции, и резолюции эти — как диагноз врача, определившего болезнь и назначившего лечение. Он не имеет права ошибиться. Он понимает, что за колонками цифр стоит живое дело — дело страны, и он долго думает, прежде чем принять решение. Практика советского банка состоит не в бесстрастном и формальном финансировании, кредитовании и контроле, а в глубоком анализе фактов, умелом их обобщении, в активном вмешательстве в жизнь предприятий и в предупреждении ошибок, которые могут привести предприятие к тяжелому финансовому недомоганию.

Из сорока одного года жизни — двадцать четыре Федор Григорьевич Гулин отдал банку. Семнадцатилетним юношей приехал в Москву с путевкой Можайского укома комсомола. Он мечтал стать агрономом, но губком РКСМ направил его во Всекобанк учеником-конторщиком. Здесь он впервые услышал: «дебет», «кредит», «ссуда», «санкция», «баланс». Услышал и увлекся. Не словами, конечно, а смыслом, который за ними скрывается. Финансовая деятельность увлекла комсомольца, когда он понял, какое всепроникающее положительное влияние может оказывать банк на развитие народного хозяйства советского планового государства. Гулин перестал мечтать о карьере агронома и поступил на высшие кооперативные курсы Центросоюза. С 1930 года он работает в Ленинградском банке.

В дни войны майор Гулин работал начальником полевой конторы Ленинградского фронта. Его демобилизовали только в 1946 году. И вот он опять в Ленинграде, в сером доме на Фонтанке, 72. Окна зашиты фанерой — следы блокады. Разрушенный флигель во дворе. Траурный список погибших на боевом посту товарищей — под стеклом на столе в кабинете.

Ленинград восстанавливается стремительно. Реэвакуировались предприятия, расконсервированы цехи. Промышленность получила программу первой послевоенной пятилетки. Банк изучил определившийся профиль заводов. Появилось нечто новое в деятельности банка, — отражающее новые явления на предприятиях.

Заводы и фабрики перевыполняют социалистические обязательства, и контора немедленно реагирует на эти радостные факты выдачей из своих резервов дополнительных ссуд на перевыполнение плана.

Однако ссуда — не щедрый подарок. Она подлежит возврату в указанный срок.

А если нет, что тогда? Если предприятие не сдержало обещания? Если в документе зафиксировано: «Получено столько-то миллионов рублей на двадцать пять дней», а прошло тридцать — и миллионы не возвращены?

Тогда к Гулину спешит директор, и между директором и управляющим конторой банка происходит следующий разговор:

— Федор Григорьевич, беда!

— Виновен?

— Никак нет, Федор Григорьевич. Терплю неприятности из-за покупателя. Отгрузил ему станочек к станочку, комплект к комплекту, а получатель подвел.

Гулин молнирует неаккуратному плательщику, министерству, банку другого города и добивается нужных результатов.

Но если директора никто не подвел, а виноват он сам, если директор все еще продолжает жить старыми представлениями о системе финансирования, если он по инерции надеется на дотационную «палочку-выручалочку», — тогда разговор в конторе банка драматичен и строг.

Властью, данной Гулину государством, он имеет право наложить **санкцию**.

Санкция означает прекращение выдачи новых ссуд и запрещение расходовать в производстве товары, за которые не уплачено поставщику.

Санкция дисциплинирует руководителей трестов и предприятий.

Управляющий трестом «Леноденда» пожаловала в контору банка вместе с начальником финансового отдела.

— У меня катастрофа.

— Что у вас?

— «Леноденда» в первом квартале...

— Минутку! — заместитель управляющего конторой тов. Кедров остановил докладчицу. — Нина Александровна, ваше мнение?

Нина Александровна Курицына заведует сектором легкой промышленности.

— Мое мнение? Работают они без учета запросов потребителя. В ателье № 13 затоварены головные уборы на полмиллиона, на фабрике «Ударница» — на шестьсот тысяч. Мое мнение? Применить санкцию!

Банк приучает уважать советский рубль. Банк пресекает расточительность.

Управляющему конторой банка приходится напоминать некоторым клиентам, что режим экономии — не очередная кампания, а свойственный социализму метод хозяйствования.

Ленинград горячо откликнулся на призыв девяти директоров московских предприятий о переходе промышленности на бездотационную работу.

Работа без дотации — показатель высокой производственной и финансовой культуры. А финансовую культуру насаждают финансисты-большевики.

Звонят фабрики:

— Подбросьте деньжат. Премируем ткачих.

— Присылайте кассира.

Звонят учреждения:

— Мы не успеваем обрабатывать отчетность.

— Руками считаете?

— А чем же еще?

— Машинами давно пора. Приходите, покажем нашу фабрику механизированного учета.

...Я сидел в кабинете, над входной дверью которого уцелели каменные буквы: «Приемная управляющего петербургским банком», и силился представить на месте Гулина лощеного петербургского коммерсанта. Ничего не получилось: как-то, даже в воображении, не вязался облик петербургского дельца с тем, что творилось здесь.

И я подумал, что, в сущности, вся деятельность советского финансиста — это борьба за коммунизм, борьба за хлеб, ткани, машины, детские ясли, дворцы науки, школы, искусство, борьба за мир, труд и счастье!

ЛЕНИНГРАД.

Публичная историческая библиотека в Москве отмечает в этом году свое десятилетие. Сейчас она имеет 1.600 тысяч книг. За 10 лет библиотеку посетило более 2.800.000 человек.

НА СНИМКЕ: В главном читальном зале библиотеки. На первом плане студентка Московского юридического института Л. Кронберг (слева) и слушатель Военно-инженерной академии им. Куйбышева Герой Советского Союза П. Колодяжный.

Фото Н. Киреева и В. Мастюкова.

Ф. ГЛАДКОВ

Друг советской литературы

Из воспоминаний об Александре Сергеевиче Щербакове

Три года назад перестало биться сердце выдающегося деятеля коммунистической партии и советского государства Александра Сергеевича Щербакова. Вся жизнь А. С. Щербакова, верного ученика и соратника великого Сталина, — самоотверженная борьба за укрепление социалистического государства. Своим вдохновенным трудом на благо Родины он снискал уважение и любовь всего советского народа.

Нам, советским писателям, особенно дорога память об Александре Сергеевиче.

После I Всесоюзного с'езда советских писателей Александр Сергеевич Щербаков работал более двух лет в качестве ответственного секретаря правления Союза писателей. Испытанный большевик с широким государственным умом, человек большой культуры, Александр Сергеевич мудро и твердо проводил политику партии в литературе. Он был удивительно чуток в отношении к писателям, к каждому литератору подходил, как товарищ и друг, и сразу же находил с ним душевную связь, которая так дорога художнику и которая укрепляет бодрость и веру в свои силы.

Это был строгий большевик и задушевно простой товарищ. К нему каждый мог притти со своими нуждами, с беспокойными вопросами, и каждый был уверен, что Александр Сергеевич первый в минуты невзгоды или болезни приедет на квартиру писателя, с сердечным участием войдет во все мелочи его жизни, незаметно заставит человека быть с ним откровенным, как «на духу».

Это был очень близкий мне человек, с которым я был связан настоящей теплой дружбой. Мы долго и много беседовали с ним по животрепещущим вопросам литературы и обсуждали заветные мои замыслы. Он звонил по телефону, иногда ночью, и справлялся, как идет моя работа и не может ли он чем-нибудь помочь. Я многим обязан ему в создании моего романа «Энергия».

Работая в Союзе писателей, А. С. Щербаков одновременно выполнял ответственную работу в ЦК партии — заведывал отделом культуры. И, несмотря на это, он успевал прочитывать новые рукописи и выходящие книги.

Наука, искусство, кино, учебные заведения — все это требовало самого напряженного внимания. Работоспособность Александра Сергеевича была изумительна.

Я не помню случая, чтобы он пропустил в Союзе писателей хоть одно заседание и совещание или отложил бы прием литераторов. И в рабочем кабинете Союза, и в ЦК он всегда был бодрым, жизнерадостным.

Я удивлялся:

— Как это вы, Александр Сергеевич, успеваете выполнять такую уйму разнообразной работы? Это непостижимо.

Он поднимал вдумчиво-вопросительные глаза и отвечал:

— Без плана и системы даже маленькая работа кажется сложной и запутанной. За всякой работой надо чувствовать живых людей, в них главная сила. Если найдена с ними внутренняя связь, тогда всякое, даже труднейшее дело покажется легким и чудесным, как истинное творчество.

Благодаря его большевистскому чувству партийности, в Союзе писателей была создана подлинно творческая атмосфера. И в общественной жизни, и в политической работе каждый чувствовал себя вдохновленным, и каждый знал, что в широком литературном движении он — тоже сила. Александр Сергеевич обладал каким-то особенным свойством пробуждать в человеке веру в свои силы, в значение своей работы!

Когда Александр Сергеевич покинул Союз писателей и уехал в Ленинград на ответственную партийную работу, писатели с грустью расставались с ним.

Работая в Ленинграде, он живо интересовался жизнью писательской организации. Мне несколько раз приходилось встречаться с ним в это время, и наши беседы всегда начинались и кончались литературными делами. И каждый раз он подробно расспрашивал о работе и жизни того или иного писателя. Он знал наши характеры; наклонности, слабости и достоинства, и было совестно, что мы не знали так своих товарищей, как знал их Александр Сергеевич. Вот почему его слова о том, что за каждым делом стоит прежде всего живой человек, имеют огромный смысл. Чтобы хорошо руководить коллективом, надо знать и глубоко чувствовать каждого человека в отдельности.

Помню, мы встретились с А. С. Щербаковым после его возвращения из Иркутска. И как всегда, мы долго беседовали об успехах и трудностях работы писателя, о журналах, о происходящих дискуссиях по теоретическим вопросам литературы. Он сетовал на то, что писатели мало изучают нашу страну, их не видно нигде на периферии. За время его работы секретарем Восточно-Сибирского обкома ни один писатель не заезжал в этот богатый и своеобразный край. А там проходила сложная борьба за новые социалистические формы жизни, воспитывались новые люди, создавалась новая система труда. Под его непосредственным руководством там начала неплохо работать местная организация писателей и выдвинулись талантливые люди.

Всем известны роль и значение Александра Сергеевича в годы Отечественной войны. Будучи секретарем ЦК ВКП(б), МГК и МК ВКП(б), он одновременно возглавлял Главное политическое управление Красной Армии. Мне кажется, что ни один писатель-фронтовик не миновал встречи с ним и не забыл его внимательных, испытующих глаз, его хорошей, дружеской улыбки и мудрых напутствий. Но не только фронтовые писатели пользовались в эти годы его поддержкой. Он так же внимательно и пристально следил за работой писателей и в тылу.

В последний раз я встретился с ним, уже больным, в ЦК партии, где он проводил совещание по работе кино. И, несмотря на болезнь, он, как и прежде, был бодрым, ясным, спокойным, и все чувствовали себя рядом с ним приподнято-радостными, как при встрече и общении с родным и близким человеком.

Иван КАШКИН

ЗЕЛЕНЫЙ ЩИТ

Очень во-время вышла в свет эта маленькая, скромная, но крайне нужная книжка. Она появилась вместе с первыми сережками на тополях и осинах, вместе с первой майской порослью травы.

Книжка издана Всероссийским обществом содействия строительству и охране зеленых насаждений. Она включает известную статью Леонида Леонова «В защиту Друга» и ряд других материалов на ту же тему.

Почин в этом деле принадлежит рабочим московского завода «Калибр», по инициативе старого работника Усова озеленившим территорию своего завода; рабочим и служащим Ленинского района, которые разбили сквер на Болотной площади, и многим добровольцам городского озеленения.

Теперь это хорошее народное начинание нашло и твердые организационные формы. В книжке об'единили свои голоса руководители Общества: крупнейший ученый-физиолог академик Н. Максимов, писатель Л. Леонов, редактор книги Г. Лебедев и другие члены — организаторы и активисты общества.

Этот почин поддержали и работники коммунального хозяйства, которые в одну ночь чудесно преобразили Цветной бульвар, а сейчас работают над реконструкцией Большой Пироговской улицы.

Посмотрите на озелененную улицу Горького. Как она похорошела! По ней должны равняться и все прочие улицы, площади и переулки столицы. Для этого нам нужно всем **больше, лучше, любовнее** заботиться о нашем верном друге — живом дереве. Ведь это именно оно — наш зеленый щит. Оно своей раскидистой широкой грудью защищает нас от копоти, пыли, гари, золы.

Вторжение общественности помогает вскрыть неполадки в благоустройстве городов. Они очень легко устранимы и только ждут твердой хозяйской руки.

Вот, скажем, озеленение Девичьего поля. Тронешь этот, как будто бы, простой вопрос, и сейчас же возникнет цепочка других: как восстановить вход на сквер с Плющихи, перенеся забор, пиратски отхватывающий часть входной липовой аллеи; как восстановить разрушенную водопроводную сеть сквера; как увести с газонов ребят, гоняющих футбольные мячи; как заставить окрестные фабрики надеть на трубы надежные фильтры, как поскорее перевести крупные топки района на газ; как, наконец, вывести за черту города химические, красильные и другие предприятия, отравляющие воздух.

Все это вопросы, возникающие в связи с защитой зеленого друга. Но ведь это защита и нашего с вами здоровья. Это вопросы, решение которых сейчас же скажется на культуре труда и быта. Тот, кто, озорства ради, сломает любовно посаженное дерево, — завтра, с той же небрежной прохладцей и наглостью, запорет на станке деталь. И только досадливо сплюнет, как он привык плевать на дорожки сквера.

Все это — беглые выводы из того комплекса вопросов, которые поднимает эта маленькая книжка. Ее нужно не только читать. Надо активно подхватить ее призыв, воплотив в жизнь эту превосходную инициативу.

Сорок восемь страниц этой книги — всего лишь первые весенние листочки. Надо, чтобы они развернулись и выросли в большие тенистые сады и солнечные зеленые газоны нашей прекрасной Москвы и других городов страны.

«В защиту Друга». Сборник Всероссийского общества содействия строительству и охране зеленых насаждений. М. 1948.

НА ВЫСОТЕ 1.800 МЕТРОВ НАД УРОВНЕМ МОРЯ

ФРУНЗЕ. (Наш корр.). На-днях дала промышленный ток городу Пржевальску первая в Киргизии высокогорная гидроэлектростанция, расположенная на высоте 1.800 метров над уровнем моря. Турбины приводятся в движение водами горной реки Каракол, подведенными к станции по каналу и металлическому трубопроводу.

Л. СЛАВИН

ДУЭЛЬ БЮРОКРАТОВ

Весна — время охоты.

Кто, захвативши ружьецо и ягдташ, идет на водоплавающую дичь, кто на зайца, кто на волка.

А кто — на учебники.

Последний вид охоты расцвел в Таджикистане и Узбекистане.

В Таджикской ССР — изрядное количество узбекских школ, где обучается около семидесяти тысяч школьников.

В Узбекской ССР немало таджикских школ с таким же примерно количеством учащихся.

Министерства просвещения в обеих республиках планируют издание учебников, исходя из принципа: «Учебник — каждому школьнику». Узбекгосиздат и Таджикгосиздат издают потребное количество учебников.

Но они не достигают ни таджикских школ в Узбекистане, ни узбекских школ в Таджикистане.

Почему?

Потому что Узбекгосиздат в припадке необ'яснимой скупости отпускает узбекским детям, живущим в Таджикистане, не более четырех процентов своего тиража. И не допускает вывоза из республики хотя бы одного учебника сверх этого лимита.

Обиженный Таджикгосиздат мстит братской республике тем же: «Ах, ты мне четыре процента? Так вот же и я тебе четыре! Так на так».

Ведомственное самолюбие издателей удовлетворено.

И вот учителя обеих республик пускаются в охотничьи экспедиции за учебниками.

Так, коктапские педагоги осуществили успешный набег из Таджикистана в просторы Кашка-Дарьинской области Узбекистана. Узбекские учебники гнездятся здесь во множестве на полках сельмагов среди тюбетеек и примусных иголок.

Учителя Сурхан-Дарьинской области Узбекистана совершают встречные набеги в районы Сталинабадской области Таджикистана.

В обеих республиках есть школы русские, казахские, киргизские. Там все в порядке, ибо издательства РСФСР, Казахстана и Киргизии обеспечивают потребности этих школ в соответствующих учебниках.

И только Узбекгосиздат и Таджикгосиздат ведут бессмысленную бюрократическую дуэль, где барьером служит государственная граница двух братских республик.

Надеемся, что оба дуэлянта будут призваны к порядку прежде, чем им удастся сорвать предстоящий учебный год.

Н. КЕРЖЕНЦЕВ

Нижегородские транжиры

Письмо из Горького

Богат и прекрасен наш город, названный именем великого Горького. На тридцать километров протянулся он вдоль Оки и Волги. Более чем в семьдесят раз увеличилась промышленность знаменитого города машиностроителей за годы советской власти, во сто крат выросла продукция его заводов.

В нашем городе 20 техникумов, 9 вузов, 5 научно-исследовательских институтов, 7 театров, 77 клубов, 7 стадионов. В многочисленных библиотеках города 5 миллионов книг.

Страна любит город Горький и заботится о его процветании. Рост города и его благосостояние обеспечиваются сотнями миллионов рублей годового бюджета. К концу пятилетки горьковчане получат 350 тысяч квадратных метров жилой площади.

В парках, цветниках и на улицах города в нынешнем году будет посажено 11 тысяч деревьев, 55 тысяч кустов и более миллиона цветов. Сооружается монументальная лестница на откосе, — от памятника Валерию Чкалову к Волге, покрываются асфальтом еще 30 километров улиц. Предстоит строительство мощной водоочистительной системы стоимостью в 15 миллионов рублей. На Первомайской площади, на гранитном пьедестале вскоре встанет исполинская бронзовая фигура нашего гениального земляка — Максима Горького.

Богат и славен наш город, и тем досаднее, что нет-нет, да и вылезет вдруг из тени этакий «нижегородский случай», которому никак не место в социалистическом городе. Присмотришься к этому случаю и вспомнишь о тех временах, когда Алексей Максимович подписывал свои самарские фельетоны ироническим и угловатым псевдонимом Иегудиил Хламида. Разве не подошли бы для одного из фельетонов Хламиды приводимые ниже уродливые факты, о которых, право, совсем невесело писать.

1. Подводный корабль

Разлилась Волга. Уже вышли из затонов суда, и буксирные пароходы тянут караваны барж. В одном из затонов опять поднят со дна реки пароход «Коммунальник». С тревогой гадают теперь многие горьковчане — когда совершится очередное крушение этого многострадального судна, прозванного здесь подводным кораблем за его неодолимое тяготение ко дну.

Впрочем, по справедливой оценке, «Коммунальник» — судно как судно: ему нет еще и сорока лет. Было время, когда Управление вспомогательными предприятиями Горьковского городского совета, которому принадлежит «Коммунальник», сдавало пароход в аренду Верхне-Волжскому пароходству. В те годы «Коммунальник» трудолюбиво и вполне благополучно совершал положенные ему рейсы. Но потом «корабль» понадобился хозяину. Зачем? Никто в городском совете этого не знает. И сам председатель исполнительного комитета тов. Шульпин не смог бы ответить, для чего ему нужно судно.

Осенью 1946 года пароход затонул в Гребневском затоне и зимовал под водой. Весной затон поднял судно, и это обошлось управлению вспомогательными предприятиями в 42 тысячи рублей, да за ремонт было перечислено 123 тысячи. В один из первых же рейсов пароход завел груженую баржу на пески — пришлось по решению суда заплатить пострадавшим организациям 72 тысячи. Потом «Коммунальник» все лето простоял недалеко от Балахны, а осенью едва добрался до затона и здесь привычно погрузился под воду.

Теперь все повторяется: бухгалтер управления уже перевел затону за под'ем «подводного корабля» 42 тысячи, составляется очередная смета на очередной ремонт стоимостью в 125 тысяч рублей.

Зачем же все-таки тов. Шульпину собственный пароход? Не лучше ли передать его для эксплоатации в пароходство?

В исполкоме, однако, утверждают, что «Коммунальник» необходим позарез, в частности, для обслуживания вспомогательных предприятий управления.

Горьковчанам непонятно: какие же предприятия должен обслуживать пароход, если самое крупное «предприятие» управления — это сам «Коммунальник»! Есть еще, правда, восемь маляров-надомников, которые пишут на жести заказчиков номерные знаки для домов. Затем имеется так называемое лесное хозяйство, где 20 человек административного персонала, управляя «договорными» лесорубами, заготовили за 100 зимних дней 300 кубометров дров, то-есть в день на каждого начальника пришлось по одной седьмой кубометра.

Кого же обслуживает «Коммунальник»?

2. Цена прошлогоднего снега

Горьковский трамвай — один из старейших в стране. Протяженность его линий — более ста километров. В большом городе пассажиров, конечно, много, и вагоны всегда переполнены. Казалось бы, трамвай должен приносить прибыль. Но оказывается, что прошлый год трамвай закончил с убытком в 10 миллионов рублей.

Представьте себе обычный поезд трамвая из моторного и двух прицепных вагонов. Одну такую сцепку обслуживают... 50 человек.

Однако дело не только в раздутых штатах трамвайно-троллейбусного управления. Горьковское трамвайное начальство попросту склонно к мотовству. Обыкновенный алмаз в любом магазине стоит 125 рублей, хватает его мастерам на долгие годы. Но в службах трамвая владельцам таких алмазов платят за амортизацию по 1800 рублей в год.

Есть и другие незаконные расходы, которым трамвайщики придают видимость законности. Помогают им в этом... зимние бураны и заносы линий.

Трудно измерить кубометрами выпавший снег, зато легко списать на уборку снега любые суммы, которые налево и направо расходовало управление, премируя своих служащих.

Впрочем, щедрость трамвайного начальства так велика, что валить все на зиму стало неудобно. Тогда пошли в ход выдуманные работы. В Гордеевском трамвайном парке придумали 12.600 рейсов по графику, которых не существовало, и 405 случаев схода вагонов с рельсов. За под'ем этих вагонов выплатили десятки тысяч рублей «аварийных».

Справедливости ради нужно сказать, что начальник трамвайно-троллейбусного управления тов. Колотилин искренне намерен оздоровить свое хозяйство. Он вспоминает довоенные времена, когда трамвай давал городу до 8 миллионов ежегодной прибыли. Но пока у тов. Колотилина хватило духу уволить лишь 40 ненужных аппаратных работников.

3. В окрестностях града Китежа

Сказочный град Китеж, как известно, внезапно исчез на глазах изумленных очевидцев. Стоял этот город, по преданию, на берегу дивного озера в Керженских лесах.

Недавно в здешних лесах произошел случай, заставивший нас вспомнить о Китеже: исчезли пять тысяч кубометров дров, якобы напиленных и приготовленных к вывозке. Были дрова и — нет дров.

В топливном тресте Горьковского городского совета, которым управляет тов. Шихов, говорят, что дрова сгнили под снегом... Если даже допустить такое чудо, то на месте штабелей должна бы остаться труха, следы какие-нибудь... Однако ничего не осталось. Ходит слух, что аккуратный керженский леший замел следы.

Таким же образом на счет лешего списано в тресте более 11 тысяч кубометров древесины и свыше 5 тысяч тонн непонятно куда исчезнувшего торфа.

Только со штатами топливного треста никак не сладит леший: во всем хозяйстве треста начальствующих и служащих пятьсот человек, и лишь недавно, скупо отдавая дань времени, тов. Шилов сократил несколько служащих. Остались... почти те же 500 человек. Городскому совету эта армия обходится в два миллиона рублей. Куда бы лучше иметь пятьсот лесорубов и возчиков, а начальства — нормально, 20—25 человек. При таких соотношениях в течение ста зимних дней трест смог бы выполнить свой план, заготовить 210 тысяч кубометров дров. Но управляющий Шихов и покровительствующий ему заместитель председателя исполкома городского совета тов. Гурьев предпочитают канцелярию. Следует ли удивляться, что за зиму трест не заготовил и 70 тысяч кубометров!

Остается привести две заключительные цифры. Убыток треста в прошлом году — 1.200 тысяч рублей. Себестоимость одного кубометра дров, согласно подсчетам городского финансового отдела, — 195 рублей и 47 копеек.

* *
*

Был бы город наш еще богаче и краше, когда б не мотовство и бестолковость иных «широких натур»; если бы тов. Шульпин и его помощники сберегали народную копейку так же, как они берегут бесчисленные канцелярии.

К 500-летию со дня рождения Алишера Навои

ОПАЛЯЮЩИЙ СЕРДЦА

С. ЛИПКИН

Пространны и разнообразны вступительные и заключительные главы поэм Навои. Здесь и посвящения, и просьбы о милости неба, и восхваления предшественников. Здесь стиль эпохи и ее заблуждения. Здесь — и это для нас наиболее ценно — философские, политические и литературные взгляды поэта.

«Семь планет» — четвертая поэма Навои. Она закончена в июне 1484 года. Позади — «Смятение праведных», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», позади — бурная политическая деятельность и удаление от двора, позади — иллюзии об идеальном монархе, развеянные жестоким правлением султана Хусейна. Еще сильны в поэме обольщающие обманы юности, еще ясно обозначается в ее замысле желание наставить самодержца на путь справедливости, но уже начинает понимать поэт, что не к самодержцу, а к народу он должен обратиться со словами добра и правды:

Иди, мое творение, в народ,
Пусть он в тебе святыню обретет.

Как и другие поэмы Навои, «Семь планет» является ответом на поэмы предшественников: «Семь красавиц» великого азербайджанца Низами и «Восемь раев» индо-персидского поэта Эмира Хосрова. Поэма представляет собою рассказ о любви шаха Бахрама и певицы Диларам, в который чрезвычайно искусно вставлены семь повестей, ничего общего не имеющих с повестями Низами и Хосрова: узбекский поэт широко использовал сказки и легенды, бытовавшие у народов Средней Азии. Да и «рамка» поэмы — сказание о Бахраме и Диларам — по своему внутреннему смыслу, по характерам героев и мотивировкам их поступков отличается от прежних образцов.

Между тем в западноевропейском востоковедении укоренилась мысль, что Навои — всего лишь подражатель, переводчик знаменитых персидских поэтов. Французский востоковед Эд. Блоше утверждает, что Навои «ограничивается пассивным подражанием великим поэтам, имена коих были прославлены в анналах персидской литературы». Отчасти тех же взглядов придерживались и другие исследователи.

Такого рода утверждения, первоосновой которых является высокомерное пренебрежение к «нецивилизованным» нациям, робость перед литературными традициями, оказались результатом поверхностного знакомства с произведениями Навои, формального подхода к его творчеству. Эти утверждения часто подкреплялись словами самого Навои, писавшего, что по сравнению с Низами или Хосровом он только «пылинка на солнце», «капля в море», «муравей» и т. д.

Все эти самоуничижительные эпитеты — не более, как риторические фигуры. В действительности же Навои спорил со своими предшественниками, критиковал их, подчеркивал их ошибки.

Он упрекает своих предшественников:

Те двое, о которых шли слова,
Явили нам вершины мастерства,
Явили ткань прошедшего они,
Но ткали опрометчиво они...

Но я ошибки нахожу у них.
Послушаешь — я расскажу о них.

Навои считает, что образ Бахрама, созданный Низами, противоречив. Мыслимо ли, чтобы благородный человек, каким Низами изображает Бахрама, приказывал своим наложницам:

...Хочу послушать вас.
Без отговорок вы должны сейчас

Мне сказку рассказать: пришла пора.
Вы, бодрствуя, томитесь до утра,

А я, поев и насладясь вином,
Забудусь тихим, безмятежным сном...

Где слыхано, чтоб умный человек
К такому принуждению прибег?

Здесь выражено требование цельности образа, здесь уже намечается противопоставление жизненной правды литературной условности. Навои развивает это противопоставление. Он критикует самый замысел Низами — заставить наложниц Бахрама, дочерей владык семи частей земли, рассказывать своему повелителю чудесные повести. Как могут царевны, выросшие в гаремах, не переступавшие порога дворцов, рассказывать повести, исполненные народной мудрости, метких наблюдений, знания жизни и быта различных стран и племен, различных слоев населения?

Так делают не дочери царей,
А дочери сказителей скорей!

Вот почему Навои, желая приблизиться к реальности, вкладывает свои семь повестей в уста странников, умудренных жизнью, много видавших на своем веку. Навои облагораживает образ Бахрама, делает его более цельным; душу его героя возвышает любовь. Навои убеждает поэтов:

Когда созвучья ищешь слову ты,
Любовь клади в его основу ты,

Чтобы сердечной глубины достиг
Огнем любви воспламененный стих.

Мы видим, что Навои достаточно сурово относится к творениям своих предшественников. Какая уж тут «пассивная подражательность», которую выдумал Эд. Блоше! Французского ориенталиста обманули восточные комплименты Навои, но эти комплименты прикрывают строгую, подчас жестокую критику.

Эмира Хосрова Навои величает «колдуном», «хмельною чарой», «храмом огня любви». Но в поэзии Хосрова, как заметил советский востоковед проф. Е. Э. Бертельс, «есть что-то напудренное». Не случайно придворная аристократия ценила Хосрова больше, чем Низами: в поэзии Низами — народная мощь, в поэзии Хосрова — гремучий жемчуг стиха, нарядное письмо, изящество. Навои, воздавая должное стихотворному блеску Хосрова, первый обратил внимание читателей на легковесность его писаний. Вот как он сравнивает Низами и Хосрова:

Всю прелесть первозданную дворцов
Украсил позолотою Хосров.

Тот нам раскрыл иремских роз красу,
А этот пролил на цветы росу.

Привел нам тот, чья родина Ганджа,
Красавицу: она была свежа,—

Индус, преемник Низами прямой,
Натер ее румянами, басмой...

Тот нам красавиц скромных показал,
А этот их явил без покрывал.

Не удовлетворяют Навои и другие персидские поэты, писавшие на те же темы. Об одном из них, Ашрафе, он замечает довольно едко:

Неважно, был он плох или хорош,
Но важно, что неплох и нехорош.

Посредственности, холодные «умельцы» раздражали Навои, поэта огненного темперамента, стремившегося «и возмутить и опалить сердца».

Навои защищает свое право отходить от исторических источников, вступать в полемику с летописцами, критически относиться к летописным данным.

Низами и Хосров, по мнению Навои, пользовались непроверенными источниками; кроме того, многие сведения о Бахраме и его эпохе открыты позднее. Вот почему «их грехи — невольные грехи».

Они с наукою вступили в спор,
Ученые винят их до сих пор...

Я письмена открыл, и в этот миг
Увидел, что желанного достиг.

Но помимо знакомства с «письменами», у Навои, по его мнению, есть еще одно преимущество перед «несравненными мастерами». Здесь Навои парадоксален: он считает, что его неопытность, его слабый и безвестный дар помогут ему достичь совершенства. Эта парадоксальность кажущаяся. За нею скрываются глубокие мысли:

Тот мастер, что искусством знаменит,
Не зная страха, жемчуг просверлит.

И что ж? Испортит жемчуг дорогой
Умелой, но бестрепетной рукой.

Кто слишком горд и слишком знаменит,
Тот в промахе себя не обвинит...

Незряч самоуверенный певец,
Не видит упущения слепец.

Я — робкий подмастерье, без заслуг.
Неискушен, неопытен мой слух.

Как я боюсь в приемах согрешить,
Страшусь невольный промах совершить!

В сравненьи с прежними — ничтожен я!
Вот почему так осторожен я!

И все же, несмотря на эти преимущества, поэт не уверен в себе. Ему нужен судья, беспристрастный и строгий, а себе он таким судьей быть не может:

Как мне понять достоинства стиха?
Работа хороша или плоха?

Известность обретут мои труды,
Иль даром пропадут мои труды?

Когда же труды поэта пропадают даром? Навои отвечает: когда они чужды народу. Формула «искусство для искусства» показалась бы Алишеру просто нелепой. По его понятиям, поэзия должна учить народ — вот ее единственная цель.

Когда нельзя стихом зажечь сердца,
Бессмысленны все тяготы певца.

Увы, мы скажем о певце таком:
«Стремился в храм, попал в питейный дом!»

Высокое значение литературы, ее учительскую роль не понимали многие представители литературного окружения Навои, упрекавшие его в том, что он пишет не на персидском — придворном — языке, а на языке простого народа — на староузбекском. Навои противопоставлял этим «знатокам» свой «пожар и смуту сеющий глагол», он умел поражать их метким и мудрым стихом:

Творенья моего звезда взошла,—
Что для нее ничтожества хула?

Пусть онемеет у того язык,
Кто постоянно порицать привык!

Навои вел упорную, длительную борьбу с критиками, «привыкшими постоянно порицать»: порицать выбранный поэтом «презренный» язык, порицать антиклерикальную сущность его газелей. С горечью говорит Навои:

Не потому ли я страдал и чах,
Что проходили дни в пустых речах,

В той смене лживых и правдивых слов,
От коих я давно бежать готов?

Единственным утешением Навои было сознание, что его песня «и возмутит и опалит сердца», что «примет песню соловья народ». Только народ — высший и беспристрастный судья поэта. Этой мыслью завершает Навои свою поэму:

Мой труд! Найди к душе народной путь,
Народу моему желанным будь,

Чтобы могла сердца людей зажечь
Моя правдовзыскующая речь!

Многое в творчестве Навои, конечно, устарело, но осталось главное, вечно живое, то, что будет веками служить развитию узбекской литературы, что навеки сохранится в благодарной памяти всего прогрессивного человечества.

По заказу Правительственного юбилейного комитета при Совете Министров Узбекской ССР художники Е. Мандельберг и Б. Симонов выполнили светящимися красками огромный портрет Алишера Навои (22 кв. м.).

Портрет будет установлен на сцене Большого Академического театра оперы и балета имени Навои в Ташкенте.

На снимке: художники Е. Мандельберг и Б. Симонов за работой над портретом.

Фото О. ШИНГАРЕВА.

О пережитках буржуазного национализма в белорусском литературоведении

В. ГАЛЬПЕРИН

В активе белорусского советского литературоведения немало ценных работ. До Октябрьской революции исследований по истории белорусской литературы не существовало вовсе. В трудах советских критиков и литературоведов освещены многие важнейшие вопросы белорусской дореволюционной и советской литературы. Но отдельные идейные ошибки, результат непреодоленных националистических влияний, свойственные некоторым критикам и литературоведам, могут стать серьезным препятствием на пути дальнейшего развития науки о белорусской литературе.

Национализм в белорусских условиях всегда соединялся с откровенным и циничным низкопоклонством перед буржуазной культурой.

Агентура международной реакции в Белоруссии превозносила буржуазно-помещичью культуру санационной Польши и сметоновской Литвы. Пытаясь оторвать белорусский народ от русского, реакционеры-националисты в свое время выдумали легенду о «золотом веке» белорусской культуры, который, по их утверждениям, приходится на период порабощения Белоруссии польскими и литовскими магнатами. Мрачная эпоха, когда белорусский народ не имел собственной письменности, изображалась ими как время невиданного политического, культурного и экономического расцвета. Проповедники этих взглядов, фальсифицирующих историю, маскировали ненависть к русскому народу ссылками на гнет царского самодержавия, игнорируя ленинское учение о двух культурах — культуре демократической и культуре буржуазно-помещичьей. Идейным источником подобных «установок» является печальной памяти «История белорусской литературы» махрового националиста Максима Горецкого.

Миф о «золотом веке» должен быть окончательно разоблачен, как издевательство над национальным достоинством белорусского народа.

А между тем до самого последнего времени авторы работ о крупном белорусском поэте конца XIX века Ф. Богушевиче стыдливо обходили молчанием то обстоятельство, что Ф. Богушевич изображал насильственное присоединение Белоруссии к Литовскому княжеству, как «добровольное», и идеализировал жизнь трудящихся масс в эпоху этого мнимого «золотого века».

В работах некоторых белорусских литературоведов неправильно и поверхностно освещается связь белорусской культуры с русской демократической литературой XIX и XX вв. и усиленно возвеличиваются второстепенные писатели — проводники западных влияний типа Я. Чечота, Я. Борщевского, А. Рипинского, А. Ельского, А. Гаруна, деятельность которых была направлена на отрыв Белоруссии от русского освободительного движения. Типичный представитель этих псевдобелорусских писателей, А. Рипинский, живший в середине XIX века, доказывал, что Белоруссия — польская провинция, а белорусский язык — диалект польского языка.

Восхваление А. Рипинского и А. Ельского содержится в статьях М. Ларченко («Беларусь», № 6, 1945), А. Доминиковского («Беларусь», № 8, 1946), который даже снабдил свою статью о помещике-реакционере А. Ельском патетическим заголовком «Выдающийся белорусский этнограф и краевед». В том же журнале М. Ларченко выступил в защиту «горячего патриота» А. Гаруна, который на деле был активным членом контрреволюционной «Белорусской рады». Критик Л. Фигловская («Беларусь», № 1, 1946), говоря о второстепенном писателе К. Каганце, не раскрывает реакционный смысл националистической романтики в его произведениях.

Отдел «Наш справочник» журнала «Беларусь» неоднократно восхвалял ученых «западной» ориентации или просто псевдоученых наподобие помещиков — графов Тышкевичей, занимавшихся коллекционированием раритетов и, между прочим, «этнографией», с недвусмысленной целью доказать, что исторически Белоруссия — часть Польского государства.

В некоторых из тех редких случаев, когда журнал обращался к темам революционно-демократической литературы, его постигла неудача. Так, В. Агиевич в статье «Путь народного поэта» («Беларусь», № 10, 1946) ни словом не обмолвился об органической связи дореволюционной поэзии Якуба Коласа с передовыми традициями русской литературы, об идейном влиянии Максима Горького на поэта.

Это не случайно, ибо еще слишком мало сделано в области изучения таких актуальных проблем, как влияние русских революционных демократов, поэзии Некрасова, творчества Горького и Маяковского на развитие белорусской литературы. Белорусские литературоведы должны смелее выходить за рамки национальной ограниченности, рассматривая белорусский литературный процесс в более тесной и органической связи с русской классической и многонациональной советской литературой.

В «Литературной газете» уже говорилось о программах и учебниках по белорусской литературе, составленных М. Ларченко. ЦК КП(б) Белоруссии осудил ошибки этих учебных пособий, в которых национальная борьба белорусского народа искусственно отрывается от его общественно-политической борьбы, тесно связанной с освободительным движением русского народа.

Вслед за М. Ларченко отдельные ошибки буржуазно-националистического характера допустили Ю. Пширков и М. Климкович. Их статьям присуще желание установить «единую национальную литературную линию» от Я. Борщевского и А. Рипинского до Я. Купалы и Я. Коласа. Ю. Пширков (ст. «Я. Купала — редактор «Нашей Нивы», «Беларусь», № 5—6, 1946) утверждает, будто все писатели, группировавшиеся вокруг газеты «Наша Нива», «стремились создать **народную** (подчеркнуто мною. — **В. Г.**) литературу, такую литературу, которая высказывала бы думы и чувства народа, его мечты, веру и уверенность в лучшее будущее». Критику не мешало бы вспомнить о расколе писателей-нашенивцев на два лагеря — националистов-либералов и революционных демократов.

Не менее грубые ошибки содержит статья М. Климковича о творчестве В. Дунина-Марцинкевича («Полымя», № 2—3, 1945). Старательно замазывая реакционные взгляды значительного писателя XIX века, он представляет дело так, что этот типичный либерал, который идеализировал патриархальные отношения между барином и мужиком и выступал проповедником классового мира, был, якобы, «выразителем интересов угнетенного крестьянства».

Для ряда литературоведов Белоруссии характерна серьезная путаница в обращении с понятием патриотизм. Просветитель XVI века Г. Скарина, основоположник белорусской советской литературы Я. Купала и либерал В. Дунин-Марцинкевич оказываются в одной компании писателей-«патриотов», «просветителей». Больше того, в семью «просветителей» и «патриотов» зачисляются и такие откровенные мракобесы, как польский помещик А. Ельский.

Справедливо указывая на эти ошибки, один из руководителей белорусской писательской организации тов. М. Лыньков в статье «Идеи патриотизма в белорусской дореволюционной и советской литературе» («Полымя», № 8, 1947) сам, к сожалению, впадает в упрощение, ставя знак равенства между патриотизмом Белинского и Толстого, Чернышевского и Тургенева, Салтыкова-Щедрина и Гоголя. В другом месте М. Лыньков категорически заявляет: «Максим Богданович унаследовал лучшие **патриотические** (подчеркнуто мною. — **В. Г.**) традиции русской классической литературы».

О М. Богдановиче следует поговорить особо. Как поэт, М. Богданович складывался под влиянием В. Брюсова и А. Блока. Его творческая деятельность протекала в период от поражения революции 1905 года до 1917 года — года ранней смерти поэта. Творчество М. Богдановича полно глубочайших внутренних противоречий.

В лучших своих произведениях он поднимался до смелого протеста против капиталистической действительности. Но число стихотворений с революционными мотивами у Богдановича невелико. Рядом с ними мы найдем много стихов, отмеченных печатью пессимизма и созерцательности, созданных под влиянием теории и практики символизма. Отдельные произведения Богдановича навеяны националистической романтикой. В статьях последних лет о Богдановиче белорусские литературоведы, вопреки фактам, отрицают воздействие на поэта националистического окружения, изображая Богдановича в виде последовательного революционера-демократа с цельным оптимистическим мировоззрением. Именно на примере Богдановича видна вся несостоятельность теории о том, что белорусская литература, благодаря своему «национальному» характеру, не знала якобы декадентских влияний.

М. Богданович не видел ничего положительного в присоединении Белоруссии к России, целиком включая Белоруссию в сферу влияний Западной Европы. М. Богданович разделял националистическую точку зрения о «бесклассовом» характере белорусского народа и его культуры. В 1915 году в статье «Белоруссы» он писал: «Белорусский народ, как и его интеллигенция, всецело принадлежит к трудовым классам населения» («Творы», т. II, стр. 156). Совершенно понятно, что было бы неправомерно целиком сводить общественно-политические взгляды М. Богдановича к приведенным выше высказываниям, но они показывают, сколь далек от исторической правды и М. Лыньков, говоря об унаследованных М. Богдановичем «лучших патриотических традиций классической русской литературы»...

Вступительная статья С. Майхровича к тому «Избранных произведений» М. Богдановича (Минск, 1946) лакирует образ писателя, обходя молчанием глубокие внутренние противоречия его творчества. Особенному искажению подвергся М. Богданович в «юбилейных» статьях, приуроченных к 30-летию со дня смерти (статьи В. Карпова и Я. Шараховского в журнале «Полымя» №№ 4, 5 за 1947 год).

Вопросы связи белорусской литературы с литературой других славянских народов не всегда находят правильное освещение в работах белорусских литературоведов. В журнале «Беларусь» (№ 8, 1947) опубликована статья Н. Перкина «Адам Мицкевич и Ян Чечот». Деятельность Яна Чечота, сомневавшегося в том, что «белорусский язык когда-либо станет письменным», была направлена на примирение противоречий между польскими панами и белорусским трудовым крестьянством. Игнорируя эти факты, Н. Перкин восхваляет Чечота за «искренность стремлений и близость (?!) к трудящемуся народу».

В статье Н. Перкина националистическим студенческим кружкам «филаретов» и «филоматов» приписывается «прогрессивность». Автор «обосновывает» свои утверждения, указывая на «оппозиционность» этих кружков, в то время как известно, что и «филареты» и «филоматы» вели борьбу за отрыв Белоруссии от России и если и представляли собою оппозицию, то чисто националистическую.

Следы некритического отношения к западной буржуазной науке обнаруживаются и в белорусской фольклористике. В полной зависимости от западноевропейских ученых Аарне и Томпсона строит свое формалистическое исследование о белорусской фантастической сказке Л. Бараг («Белорусская фантастическая сказка», «Полымя», № 1, 1947). Фигура сказочного белорусского мужика приводится путем сложных умозаключений в генетическую связь с индийскими богами Сани и Лакшми.

Плодотворная работа белорусской критики и литературоведения возможна лишь при условии улучшения соответствующих отделов журналов «Полымя» и «Беларусь».

Только в решительной борьбе с рецидивами буржуазного национализма, с любыми проявлениями низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада сможет преодолеть свое отставание белорусское советское литературоведение.

Иван АРАМИЛЕВ

Судьба семьи Рубанюк

В прошлом году на страницах журнала «Октябрь» был напечатан в сокращенном виде роман Евгения Поповкина «Семья Рубанюк». Издательство «Молодая гвардия» выпустило теперь это произведение полностью под заглавием «Чистая Криница». Издательство серьезно поработало с автором, и новый вариант значительно лучше журнального.

В первой части романа Е. Поповкин изображает мирную жизнь украинского села Чистая Криница в последнем предвоенном году. В книге показан могучий колхоз-миллионер, оснащенный первоклассными машинами, освоивший новую агротехнику. Плодороден чернозем Приднепровья, тучны нивы, богаты фруктовые сады, велики стада общественного скота. Самоотверженно трудятся люди на свободной земле, и социалистический труд принес им зажиточную, культурную жизнь, о которой тщетно мечтали поколения предков.

Председатель колхоза Кузьма Степанович Девятко неторопливо, с палочкой в руках обходит за день все бригады и звенья, птичью и животноводческую фермы, пасеку, кузнечную и столярную мастерские. «И всюду, где бы он ни появлялся, его встречали с искренней почтительностью. Знали, что если и подметит Кузьма Степанович какие-нибудь упущения, то браниться не станет, а спокойно все растолкует, покажет, но зато назавтра наведается снова. Все, до последних мелочей, он держал в памяти, не записывая». Девятко — самобытная фигура, умный и рачительный хозяин, новый человек советской деревни.

В одном ряду с Девятко стоит бывший батрак, партизан гражданской войны, колхозный садовод Остап Григорьевич Рубанюк. Он энтузиаст своего дела, все силы отдает общественному служению, создает образцовый плодовый питомник, завоевывает всеобщую любовь колхозников.

Интересны образы бригадира Тягнибеды, тракториста Степана Лихолит, стахановок колхозных полей Ганны Рубанюк, Нюси Костюк и др. Это — люди широкие в мечтах, неутомимые в труде, новаторы, искатели.

Несомненная удача писателя — образ секретаря райкома партии Игната Семеновича Бутенко. Волевой большевик, организатор и вдохновитель колхозных побед, он прекрасно разбирается в людях, знает, кто на что способен, руководит без крика и суеты. Ему чужды методы администрирования, приказа.

Начинается война. Район оккупирован врагом. Приходят черные дни. Немцы забирают скот, хлеб, угоняют на каторгу девушек и подростков. В романе правдиво показана ненависть колхозников к фашистским захватчикам, борьба советского народа с врагом в тылу немецкой армии. Бригадир Тягнибеда и Ганна Рубанюк гибнут на виселице, как «непокорные». Игнат Бутенко уходит в подполье, организует партизанский отряд для борьбы с немцами. По директиве Бутенко, старый садовод Остап Рубанюк принимает пост сельского старосты, чтобы саботировать мероприятия врага.

Менее жизненны отрицательные герои. Агроном Збандуто, ставший при немцах бургомистром, полицай Павел Сычик и почтарь Никифор Малынец в роли старосты и немецкого соглядатая выписаны по стандартным схемам. Они не живут на страницах романа, а лишь выполняют навязанную им «функцию». Их измена, поступки не мотивированы. Почтарь Малынец в годы первой мировой войны был в плену у немцев, знает немецкий язык. Однако этого недостаточно, чтобы пойти против своего народа. Вряд ли пребывание в лагерях, за колючей проволокой и работа в усадьбах прусских помещиков могли внушить Малынцу симпатии к фашистской Германии. Павел Сычик вырос в годы советской власти. Что его толкнуло в стан врага, — неизвестно. Также не об'яснено преступление агронома Збандуто.

Страницы романа, посвященные колхозному селу в дни мира, наиболее впечатляющи. Е. Поповкин убедительно показал, как проникает социалистическая культура в деревню. Колхоз создает свою интеллигенцию. Старший сын Остапа Рубанюка Иван — подполковник, Петро кончил Тимирязевку. Дочь Кузьмы Девятко, Оксана, учится в киевском медицинском институте. Сыновья многих колхозников — инженеры, механики, учителя, летчики. Заметно повысился общий уровень культуры колхозников. Е. Поповкин подчеркивает это в изображении быта, морального облика людей, их языка, обогащенного множеством слов, не известных ранее в деревне. Когда бригадир Тягнибеда презрительно говорит о лентяях: «психология поганая», или Остап Рубанюк: «Примечаю, сынку, твое настроение», — городские слова не режут слух, потому что они стали уже обычным явлением в сельской жизни.

Части романа, посвященные Отечественной войне, слабее колхозных. Автор был на фронте, пишет о военных операциях с достоверностью очевидца, иногда создает яркие батальные сцены. Однако в этих страницах нет собранности, той концентрации материала, которая отличает картины колхозного строительства и труда.

Автор вводит десятки военных персонажей. Командир дивизии полковник Осадчий, бригадный комиссар Ильиных, комиссар полка Путрев, капитан Тимковский, комбаты Стрельников и Яскин, капитан Каладзе, лейтенант Татаринцев, сержанты, рядовые, — все действуют, как положено по уставу, некоторые совершают выдающиеся подвиги. Но в этих образах нет обобщенной правды и глубины, превращающей «моментальную» фотографию в портрет, человека — в собирательный характер, тип. Они не согреты обогащающим дыханием художника.

Все внимание писателя сосредоточено на братьях Рубанюк, и эти образы представляют собою несомненную удачу. В характере Петра Рубанюка воплощены лучшие качества нашей советской молодежи. В беседе с другом он говорит о назначении человека: «У каждого из нас своя дорога, но все мы идем к одной цели — к счастью... Если я понял, что мое счастье — в счастье и радости моего народа, должен ли я, вернее, могу ли стремиться туда, где только мне будет лучше и спокойней?»

Петр блестяще окончил Тимирязевскую академию. Он мог остаться в аспирантуре, в Москве, но вместо этого едет в родную Чистую Криницу, чтобы занять скромную должность агронома, выращивать колхозные мичуринские сады. В первые дни войны райком предлагает ему, как специалисту, броню. Но Петр добровольно надевает солдатскую шинель, уходит на фронт.

На фронте он становится пулеметчиком, участвует в ряде сражений, проявляет себя мужественным бойцом, расторопным командиром: раненый, остается в строю, получает орден Красного Знамени. Его фронтовая «карьера» типична для многих интеллигентов, не получивших военного образования.

Иван Рубанюк, в отличие от Петра, — кадровый офицер. Война застает его в звании подполковника, в должности командира стрелкового полка. Это отлично подготовленный, властный, требовательный командир. Полк, воспитанный им, попадает на фронте в сложную обстановку, дерется умело и отважно. Истории этого полка на протяжении первого года войны в романе отведено значительное место.

Судьбы героев Чистой Криницы еще не завершены. Мы расстаемся с ними на рубеже второго года войны. Им предстоят новые испытания, радости, горести. Об этом будет рассказано во втором томе романа, над которым автор сейчас работает.

Евг. Поповкин. «Чистая Криница». Изд-во «Молодая гвардия», 1948, 316 стр.

Н. ЕГОРОВ

Письмо из Австрии

Британские колонизаторы

Выступая в палате общин, британский премьер господин Клемент Эттли не так давно заявил, что главная цель политики Великобритании состоит в том, чтобы показать народам «преимущества свободы и демократии».

Опекаемые господином Эттли народы, несомненно, смогли бы добавить нечто весьма существенное к этой парламентской тираде.

В Австрии, к примеру, тоже, как известно, существует британская зона оккупации. Может быть, в кабинетах на Даунинг-стрит и рассматривают этот уголок Средней Европы, как «школу демократии» типично английского образца. Если это так, то полученные в этой школе уроки для многих не прошли бесследно.

В Каринтии (австрийской провинции, входящей в британскую зону) с давних пор живет скромный, трудолюбивый народ — каринтские словены. В результате бурных политических событий последних десятилетий они оказались отрезанными от своей страны. Гитлеровцы пытались вытравить в сердцах у этих людей любовь к родной земле. Нацисты жестоко карали словен за каждое слово, написанное ими на родном языке, и пустили в ход весь свой аппарат насилия, чтобы германизировать словенскую молодежь. Но палачам не удалось сломить вольнолюбивый патриотический дух верных сынов своего народа.

Это, видимо, кажется странным господину Эттли, а также демократическим наставникам, которые им посланы в британскую зону Австрии.

В прошлом месяце британская военная полиция арестовала и бросила в тюрьму 12 мирных жителей-словен только за то, что они носили свои национальные значки.

Недавно несколько словенских юношей возвращалось с постройки молодежной трассы Шамац — Сараево. В первом же австрийском городке их ждали усиленные наряды жандармерии и британских солдат. Началось дикое избиение ни в чем не повинных безоружных юношей. Изувеченный прикладами секретарь юношеской бригады был брошен в грузовик и вместе с двумя своими товарищами отправлен в тюрьму. Британский военный суд приговорил молодых словен — активных участников антифашистского движения и партизанской борьбы против немцев — к различным срокам заключения.

Перечень таких наглядных «уроков демократии» в британской зоне Австрии можно было бы продолжить до бесконечности.

Мы хотим остановиться только еще на одном из таких уроков, может быть, наиболее наглядном, хотя речь здесь идет «всего лишь» о двух человеческих жизнях.

В штирийском городке жил австрийский инженер Отто Липп. Во время войны судьба забросила его с женой на один из заводов Югославии. Будучи людьми прогрессивного образа мыслей, они помогали, чем могли, югославским рабочим, трудившимся под нацистским ярмом. И когда после войны семья Липп возвращалась на родину, в Австрию, югославские власти разрешили членам семьи увезти с собой свой домашний скарб. Этого оказалось достаточным, чтобы Липп и его жена были сочтены британскими блюстителями демократии подозрительными лицами.

Однажды ночью в квартиру инженера вломилась группа английских военных и принялась шарить по всем углам в поисках «улик». Никакие «улики» обнаружены, конечно, не были. Тем не менее Липп и его жена—без пред'явления ордера на арест — были задержаны как опасные преступники, связаны и отвезены на виллу у озера Вертерзее, принадлежащую ФСС (английской контрразведке).

Допрашивавший Липпа британский офицер без всяких обиняков предложил ему сознаться в том, что он является югославским шпионом. Возмущенный инженер гневно отверг это нелепое и несправедливое обвинение.

Тогда вызванный офицером солдат — если только можно назвать палача солдатом — первым же ударом вышиб Липпу зубы. Избивая свою жертву, он похвалялся тем, что имеет квалификацию боксера, и всемерно подкреплял это свое утверждение не только кулаками, но и ногами.

Окровавленного, изувеченного Липпа унесли в мансарду виллы, которая служит тюремной камерой, и надели ему на руки цепь. Карла Липп, жена инженера, была помещена за тонкой перегородкой с тем, чтобы до нее отчетливо доносились стоны мужа.

Карлу Липп также водили на допросы. Когда под пытками несчастная женщина теряла сознание, ее приводили в чувство и продолжали пытать.

Но все старания мастеров допросов «третьей степени» окончились полным провалом: Липп и его жена не дрогнули под пытками и не дали себя ни спровоцировать, ни оклеветать.

Тем не менее совершенно больного и изможденного инженера Липпа, несмотря на полное отсутствие хотя бы минимальных поводов для обвинения, британские власти заключили в лагерь Вольфсберг.

Таким образом, британские администраторы в Австрии перестали даже прикрывать свои действия фиговым листком законности, нимало не считаясь с тем, что их действия весьма расходятся с пышными заверениями господина Эттли, выступающего с парламентской трибуны.

Ни для кого не секрет, что демократические организации в британской зоне подвергаются запугиванию и гонениям.

Коммунистическая партия Каринтии обратилась недавно в Союзнический Совет по Австрии с жалобой на систематические преследования со стороны британских властей. Джентльмен, исполнявший обязанности секретаря, не растерялся: он скрыл от Союзнического Совета полученную жалобу. Более того, жалоба была возвращена с приложением подложной «рекомендации» Союзнического Совета, в которой указывалось, что вопрос должен быть рассмотрен на месте, под контролем британских оккупационных властей. Лишь после того как эта фальшивка была обнаружена и разоблачена советскими представителями, британские власти разослали членам Союзнического Совета подлинный текст письма.

В английском парламентском обиходе, как известно, широко распространены так называемые запросы в изысканно вежливом стиле. Позволительно и весьма уместно в связи со всем изложенным спросить: как совместить широковещательные декларации «о свободе и демократии» с существованием дома пыток на Вертерзее?

И не является ли возмутительное колонизаторское обращение британских оккупационных властей с каринтскими словенами в Австрии наглядной иллюстрацией к политике Англии в отношении малых народов, а произвол и террор, широко применяемые к антифашистам и прогрессивным деятелям австрийского народа, иллюстрацией к «демократии и свободе» лейбористского образца?

Вопросов можно задать много. Ответы на них дает сама действительность.

ВЕНА.

Письмо Шона О'Кейси

Редакция «Литературной газеты» получила на-днях письмо от известного ирландского писателя Шона О'Кейси, автора автобиографической повести «Я стучусь в дверь», вышедшей не так давно в русском переводе. В этом письме О'Кейси рассказывает о своей текущей работе:

«Я сверяю сейчас гранки моей новой автобиографической повести, которая в скором времени выйдет в издательстве Макмиллан. Кроме того, я читаю корректуру моей пьесы «Кокадудл дэнди» и надеюсь, что она появится в этом году».

Затем О'Кейси ставит вопрос о неотложных задачах писателей.

«В то время как одна победа была одержана,—пишет он,—нам теперь придется одержать и другую—в борьбе за мир, и построить такую жизнь, которая соответствовала бы влечению нашего сердца».

«Прошу передать мой горячий привет вашему великому народу и вашим вождям», — заканчивает свое письмо Шон О'Кейси.

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ИНСТРУКЦИЯ ПО УЖАСАМ

Американское радио еженедельно передает по меньшей мере 80 программ, посвященных «леденящим кровь ужасам»; но, как указывает журнал «Лайф», оно особенно усердствует в устрашении своих слушателей по воскресеньям. В этот день обычно в одном лишь Нью-Йорке по трем радиостанциям на протяжении пяти часов кряду передаются девять «таинственных историй». В одной — сумасшедший врач убивает пациентку, прячет ее труп в шкаф и сразу же пытается приняться за следующую жертву. В другой — беспрерывно завывает собака женщины, отправленной на тот свет своим братом. В третьей — заколдованная скрипка убивает играющего на ней цыгана и т. д.

В результате, по подсчетам «Лайф», в течение воскресного вечера, по крайней мере, 12 человек бывает отравлено, заколото, застрелено, взорвано, выброшено из окна, не считая одного обязательного случая самоубийства.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ УБИЙЦ

Некто Даниель Ф. Эхерн, бывший голливудский сценарист, 18 раз подвергавшийся арестам за кражи и ограбления, выпустил книгу «Как безнаказанно совершить убийство». По сообщению «Нью-Йорк таймс», это более чем своеобразное «пособие» разошлось в США в количестве 200.000 экземпляров.

НОВОЕ В «ИЗУЧЕНИИ» ШЕКСПИРА

Английские литературоведы до сих пор не удосужились заняться специальным изучением непристойных выражений в произведениях Шекспира. Некий Эрик Партридж решил восполнить этот существенный пробел. Он написал «ученый труд» на тему: «Непристойные выражения в произведениях Шекспира. Литературные и психологические этюды с приложением словаря».

Погоня за новыми лаврами в шекспироведении обуяла и американского литературоведа Джорджа Тэйлора. Он также написал книгу о Шекспире, в которой поставил себе целью сгруппировать идеи великого английского драматурга по темам и создать на этой основе ряд этюдов от лица самого Шекспира. Вот каким темам посвящены отдельные этюды: любовь и похоть, брак и холостая жизнь, совершенный мужчина и совершенная женщина, богатство и природа, девственность, лошадь, Англия и пр.

Журнал «Сатердей ревью оф литерачюр» восторженно комментирует «труд» Тэйлора и осмеливается утверждать, что он «так же бессмертен, как и сами пьесы Шекспира».

А. БЕЛОЗЕРОВ

„КАРТА РУСА"

Всюду, где бы вы ни побывали в Румынии — в шахтерском поселке в долине Прахова или в модном курортном городке в Южных Карпатах, в трансильванской столице или в отдаленном молдавском местечке, — всюду вы встретите маленький книжный магазин, внешне всегда опрятный и полный книг, и на его фасаде вывеску и эти два слова: «Карта руса».

Витрина магазина щедро заполнена книгами в нарядных, подчас слишком ярких переплетах с той же надписью: «Карта руса». Взгляните на книги, и вы сразу же почувствуете, как бесконечно дороги они сердцу советского человека: Пушкин, Тургенев, Чехов, Горький. Войдите в магазин, и за названиями «Кальварул», «Журамынтул», «Зиле ши нопци» вы обнаружите толстовское «Хождение по мукам», гладковскую «Клятву» и симоновские «Дни и ночи», а рядом увидите книги на русском языке, только что прибывшие из Москвы, московские журналы и газеты.

Покупатели, которые с утра до вечера заполняют магазин, не похожи на обычных посетителей румынских книжных лавок. Здесь много молодежи, много рабочих, крестьяне, прибывшие из окрестных деревень.

«Карта руса», что значит «Русская книга», — название одного из крупнейших издательств страны, много сделавшего для популяризации советской литературы в Румынии.

История издательства очень характерна для тех процессов, которые происходят сегодня в среде зарубежной интеллигенции.

Основателем издательства явился известный румынский экономист, академик Митица Константинеску, в прошлом министр финансов и директор Национального банка Румынии. В течение многих лет он изучал экономику Советского Союза, накапливая и систематизируя материал. Константинеску не прекратил работу даже после того, как началась война против СССР. Он решил написать книгу, дав в ней правдивую оценку тем грандиозным изменениям, которые произошли в экономике Советского Союза за годы революции. Он был уверен, что трудится не даром, и еще задолго до прихода Советской Армии в Румынию закончил работу над текстом (размер книги — 20 печатных листов).

Книга Митицы Константинеску, названная автором «Континент СССР», вышла в свет через месяц после вступления советских войск в Бухарест. Для широкой читающей публики Румынии книга Константинеску явилась откровением. В ней впервые делалась попытка серьезно рассказать румынскому читателю об экономическом могуществе великой советской державы. Книга вызвала огромный интерес в стране и быстро разошлась.

Успех книги показал Константинеску, как велика нужда у румынского народа в правдивой литературе об СССР. Будучи не только трезвым политиком, но и трезвым дельцом, он пришел к заключению, что если выпуском русской литературы в Румынии займется специальное издательство, оно сможет работать со значительным эффектом.

Однако, прежде чем реализовать эту идею, Константинеску обратился за советом к некоторым соотечественникам. Это была группа прогрессивных румынских интеллигентов, об'единившихся вокруг Румынского общества укрепления связей с СССР (АРЛЮС). В нее входили видные деятели современной румынской культуры — ученые Пархон и Николау, писатели Садовяну и Гала-Галактион.

История свидетельствует, что в годы освободительной борьбы Румынии против турецкого ига единственной книгой, которая проникала в страну, была русская книга. Монастырские библиотеки Молдавии по сей день хранят редчайшие издания, напечатанные в Москве и Киеве в XVI—XVIII столетиях. Из Москвы шло в Румынию и оборудование для ее типографий. Некоторые из румынских книг, напечатанных в XVII—XVIII столетиях в ясской типографии, одной из старейших в стране, содержат любопытное обращение к читателям. Обращение гласит, что данная книга напечатана в типографии, которую подарила Москва. Позднее румыны охотно переводили русскую художественную литературу.

Но едва сообщения о Великой Октябрьской революции в России достигли Румынии, известные круги принялись за сооружение своего рода китайской стены с целью отделить один народ от другого. Как известно, эта затея не удалась в полной мере: правда о великой советской державе пробивалась в Румынию, преодолевая все препятствия. Издание советских книг было приравнено в Румынии в те годы к тягчайшим преступлениям. Редко какую советскую книгу удавалось издать. Зато много советских книг шло из Франции. Несмотря на жесточайший запрет, в страну удавалось привозить лучшие произведения советской литературы.

Однако широкие массы населения, особенно крестьяне, были лишены возможности иметь русскую книгу. В этой связи издательству «Карта руса» предстояло выполнить историческую миссию: сказать первое свободное слово о великом соседе Румынии на востоке. Инициативу Константинеску горячо поддержала румынская интеллигенция, дружески настроенная по отношению к СССР. «Карта руса» явилась именно ее детищем.

Это было три с лишним года назад. Сейчас «Карта руса» — одно из крупнейших издательств Румынии. Оно имеет отделения по всей стране.

Издательству удалось выпустить большую библиотеку избранных произведений русской классической и современной советской литературы. Одновременно «Карта руса» дала румынскому читателю много документальных книг о Советском Союзе. Вскоре после создания издательство начало выпуск серии книг о советской стране, написанных румынами, побывавшими в последние годы в СССР. Авторы — ученые, писатели, журналисты, государственные деятели — рассказывают о пребывании в Москве, Ленинграде, Киеве, о встречах с советскими людьми, о своих наблюдениях. Тогда же издательство положило начало детской библиотеке. В Румынии популярны и другие библиотеки «Карта руса», в частности «Библиотека для всех», которая дала десятки книг, рассказывающих о достижениях советской науки. Филиал издательства в Клуже выпускает советскую литературу на венгерском языке.

Большое внимание уделяется качеству переводов. Лучшие из переводчиков с русского на румынский привлечены к работе в издательстве. Вместе с переводчиками над текстом книг работает группа писателей. Среди известных литераторов, принимающих активное участие в деятельности издательства, — крупнейший румынский прозаик Михаил Садовяну, ныне заместитель председателя Президиума Великого Национального Собрания Румынской народной республики. Садовяну перевел «Записки охотника» Тургенева и взял на себя редактирование шолоховского «Тихого Дона».

Многое делает издательство для популяризации советской книги. Каждому значительному произведению, вышедшему в «Карта руса», предпослано обстоятельное предисловие, написанное видным румынским автором. В 1946 году издательство вместе с библиотекой АРЛЮС организовало цикл лекций румынских писателей, критиков, журналистов, посвященных русской литературе. Эти лекции изданы значительным тиражом. Проведен ряд вечеров, посвященных выходу в свет некоторых советских книг.

«Карта руса» многое сделала, чтобы духовно сблизить румынский народ с народами Советского Союза, приобщить румын к культуре великой страны социализма. Триста русских книг, выпущенных издательством за эти годы, являются ценным вкладом в дело дружбы между нашими народами.

БУХАРЕСТ.

Всероссийское совещание работников лекционной пропаганды

25 мая в клубе Министерства просвещения РСФСР откроется Всероссийское совещание работников лекционной пропаганды научных знаний. В Москву с'едется более 400 делегатов — директора областных, краевых, городских лекционных бюро, руководители районных лекторских групп, лекторы со всех концов Российской Федерации.

В прошлом году в Российской Федерации было проведено около 850.000 лекций, на которых присутствовали 52 миллиона слушателей. 668 тысяч лекций прочитаны в сельских местностях учителями, агрономами, врачами, об'единенными в районные лекторские группы. Таких лекторов-общественников в РСФСР 70 тысяч.

Доклад «О состоянии и задачах лекционной пропаганды научных знаний» сделает заместитель председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР проф. И. Г. Клабуновский. С содокладом «О повышении идейно-политического уровня массовых лекций» выступит начальник Управления лекционной пропаганды Комитета Г. Е. Витчевская.

Совещание обсудит также вопросы дальнейшей пропаганды советской литературы, которая в тематике прошлого года занимала до трети общего количества лекций.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«Искаженный Белинский»

В «Литературной газете» № 23 от 20 марта 1948 г. была опубликована статья т. Я. Эльсберга «Искаженный Белинский», в которой указывалось на порочность работы О. Горячевой «Был ли Белинский утопическим социалистом».

Эта работа была недавно подвергнута обстоятельной и суровой критике на об'единенном заседании философских кафедр Ленинградского университета. Выступившие профессор, доктор наук М. Серебряков, профессор, доктор наук Б. Чагин, доценты Сандлер, Гимельштейб, Штофф, Свидерский, старшие преподаватели Орловцев, Казакевич и аспиранты Гранатштейн, Денисов единодушно указывали на антинаучность работы О. Горячевой и выражали свое согласие с выступлением «Литературной газеты».

В ближайшее время подробный критический разбор всего содержания сборника «Ученые записки», в том числе и статьи доцента О. Горячевой, будет напечатан в журнале «Вопросы философии».

«Заслуженная награда и незаслуженное равнодушие»

Под таким заголовком была напечатана в «Литературной газете» 14 апреля с. г. статья Героя Советского Союза писателя П. Вершигоры.

В статье говорилось о бездушном, бюрократическом отношении работников Тульского и Ивановского облвоенкоматов к оформлению и выдаче наград участникам Великой Отечественной войны.

Тульский областной военный комиссар генерал-майор тов. Корольков сообщил нам, что на виновников, задержавших выдачу награды т. Алешкину, наложено дисциплинарное и партийное взыскание.

Тов. Алешкину награда вручена по месту жительства 16 апреля 1948 г.

Ивановский областной военный комиссар полковник Соловьев сообщил, что 17 апреля дано указание всем городским и районным военкомам области обсудить с личным составом военных комиссариатов статью Героя Советского Союза П. Вершигоры.

За безответственное отношение к службе на майора Куркова, задержавшего выдачу ордена «Красная Звезда» т. Киселеву, наложено дисциплинарное и партийное взыскание.

Награда тов. Киселеву вручена 16 апреля 1948 г.

Редакция выражает благодарность артистам, принявшим участие 9 мая в вечере «Литературной газеты»: лауреатам Сталинской премии В. Борисенко и И. Любезнову, заслуженному артисту РСФСР Эм. Каминке, заслуженному артисту РСФСР Д. Кара-Дмитриеву, З. Гердту, Р. Воловик, Н. Королькову, А. Венцель, А. Кузнецову, В. Рыскову, Л. Витт, Б. Тихонову, композиторам А. Цфасману и М. Табачникову.

Н. КАРИНЦЕВ

ГРЯЗНЫЕ РУКИ

Ренегат в политике и злобный человеконенавистник в литературе, Андре Мальро недавно выступил с политической декларацией, обращенной к французской интеллигенции. На выступление Мальро немедленно откликнулся небезызвестный Жан Поль Сартр. Он тоже обратился с декларацией к интеллигенции.

— За кем следовать? — растерянно спрашивает присяжный критик реакционной парижской газеты «Каррефур» Луи Саллерон.

После долгих раздумий Саллерон, в конце концов, приходит к выводу: «И Мальро и Сартр лечат нашу тяжело больную культуру, но только по-разному: Сартр — гомеопат, предпочитающий маленькие дозы того же яда, которым заражен больной, Мальро — энергичный аллопат; он непрочь прибегнуть даже к хирургии».

Что же это за «болезнь культуры», которую призваны лечить Мальро и Сартр, и к каким целебным снадобьям они собираются прибегать?

В прежние времена, когда любитель широкой рекламы Мальро считал удобным для себя выступать в роли «ультралевого» писателя, он препоручал свои политические декларации условным героям-схемам, действующим в его книгах.

О чем бы ни писал Мальро, под какими бы географическими широтами ни происходило действие в его книгах — будь то Китай, Испания или Франция, — он неизменно обращался только к «метафизическому человеку», выдуманному им безотносительно к жизненной правде. В своих романах Мальро любил выражаться метафорически; как ловкий жонглер, он постоянно играл словами «смерть», «кровь», «трагедия», «рок». Он избрал своей литературной специальностью пропаганду ужаса и страха и старательно внушал своему часто слишком доверчивому читателю, что «стихия фашизма» непреоборима.

Изменились времена — и Мальро избрал новый тактический курс служения реакции, которой он, по существу, всегда был верен. После войны автор «Годов презрения» и «Условий человеческого существования» уже не пожелал довольствоваться скромной ролью писателя, время от времени выступающего с политическими декларациями. Яростный проповедник «атлантической культуры», правая рука де Голля, он отказался ныне от услуг своих литературных героев и заговорил языком чистой политики.

«Над нашей культурой, — заявляет Мальро, обращаясь к французской интеллигенции, — нависла угроза не только политическая, но и более глубокая, духовная...» Французская интеллигенция, а вместе с ней и французская культура очутились на перепутье. Надо сделать выбор. Но свободного выбора человеку не дано, уверяет Мальро. «Францию мы можем мыслить теперь не в терминах свободы, а в терминах судьбы!»

Судьба Франции трагична, вещает далее Мальро, и выход для нее может быть только один — «французская культура должна духовно подчиниться». Но кому?

Оказывается, главный «недуг» французской интеллигенции в том, что она может стать «более русской, чем французской». Только «активное хирургическое вмешательство» со стороны... Америки способно излечить Францию от ее «смертельной болезни». «Спасение Франции, — по мнению Мальро, — в создании Соединенных Штатов Мира», конечно под главенством Америки. Но это пока только его мечта.

Не жалея красок, Мальро расписывает печальную судьбу, которая уготована французам, если им предоставят «свободу выбора». Продажный политикан, он не очень-то надеется, что французский народ, получив «свободу выбора», кинется в об'ятия Америки, повернется спиной к Советскому Союзу. Он слишком хорошо понимает, что симпатии всех честных людей Франции на стороне СССР. Вот откуда и возникла спасительная для Мальро формула: «Европа мыслится сейчас не в терминах свободы, а в терминах судьбы!» Смысл этих слов с предельным цинизмом комментирует тот же Луи Саллерон из «Каррефура»: «...Так как только Америка способна противостоять СССР, Мальро принимает Америку, а вместе с ней и де Голля».

У читателя, таким образом, не остается никаких сомнений относительно политической программы новоявленного французского Геббельса.

«Мы унаследовали, — говорит Мальро, — от прежней цивилизации один основной ее дар. Это отнюдь не безоблачная вера в счастливое будущее — нет, за эту веру, свойственную XIX веку, мы заплатили в наш век атомной бомбы слишком дорогой ценой. Мы приобрели другой дар — невозможность предвидения. И именно эту невозможность предвидения я предпочитаю обману предвидения».

Мальро сознает, что теперь, когда силы коммунизма крепнут во всем мире, трудно рассчитывать на успех откровенных призывов к подчинению империалистам Америки. И он прибегает к грубому подлогу. Его приводит в ярость все, что связано с коммунизмом, ему нужно подорвать веру масс в Советский Союз, и он изобретает одну ложь за другой. Он об'являет «обманом предвидения» все, что создано советскими людьми и чему свидетелями были на протяжении трех десятилетий народы всего мира: величественные сталинские пятилетки, битву под Сталинградом, спасение мира от фашизма, героизм послевоенных восстановительных работ. Все, все это — «обман предвидения», вопит Мальро, а реальность — «отказ от всех духовных ценностей». Мракобес в роли защитника гуманистических традиций! Что может быть отвратительней и неправдоподобнее?

Это понимает даже его коллега Жан Поль Сартр, который в ответ на обращение Мальро к интеллигенции поспешил выпустить свою декларацию.

Сартр — опытный демагог, он не стал повторять Мальро. Более того, впротивовес «философии» Мальро он выдвинул свою собственную, менее прямолинейную, но зато, как кажется Сартру, более действенную. Ведь он не хирург, а только гомеопат. Он лечит тем же «ядом», которым отравлен больной: Сартр согласен даже «мыслить в терминах свободы», откинув прочь «термины судьбы». Каждому французскому интеллигенту Сартр оставляет «свободу выбора». Правда, тут вступает в свои права «философия» Сартра, некая метафизическая, ирреальная, нависшая над человеком необходимость (у Мальро судьба!), ограничивающая эту свободу двумя сартровскими категориями — «невозможности» или «неприемлемости». Французам предоставляется «свобода» стремиться к тому, что невозможно, либо отказаться от того, что неприемлемо. Проповедуемую Мальро «невозможность предвидения» Сартр заменяет «невозможностью осуществления», а «обман предвидения» — его «неприемлемостью». Как видим, «свобода выбора» весьма проблематичная...

От «философской» терминологии Сартр переходит к политической. С его точки зрения, коммунизм, пожалуй, приемлем, но при одном условии — если он не связан с учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Коммунизм, который является реальностью сегодняшнего дня, коммунизм, неразрывно связанный с Советским Союзом, с великими именами Ленина и Сталина, — такой коммунизм неприемлем для политического авантюриста Сартра. Он предпочитает свой вариант «коммунизма», подлую демагогическую выдумку, в которой самые великие идеи нашего времени бесцеремонно приспособляются к нуждам антисоветской пропаганды. Сартр проповедует пресловутую «свободу личности», не ограниченную никакими нормами «партийной принадлежности». Такой «коммунизм» не представляет, по мнению Сартра, опасности для реальных планов американского господства и очень удобен в качестве средства одурачивания масс.

Газета «Каррефур» склоняется к формуле Мальро, как более «глубокомысленной и политически более приемлемой», но в то же время признает, что и позиция Сартра не лишена достоинств, ибо «неизбежно приведет людей, склонных к политике, в ряды социал-демократии леон-блюмовского толка». Американцев и их посредников из «Каррефур» это вполне устраивает.

Сартр не ограничился тем, что выпустил декларацию. Как литератор, он решил подкрепить свою платформу новым произведением—пьесой с многозначительным названием «Грязные руки».

По отзывам прессы, новый боевик Сартра представляет собой «драматизированное столкновение» реалиста с идеалистом. Герой пьесы, старый банкир Гедерер, — идеалист, ведущий свое дело и в конторе и в политике «чистыми» руками. Он не любит грязной политики и добывает богатство «чистыми» руками. Ему противопоставлен некий Гуго, реальный политик. Но реальную политику, по Сартру, можно делать лишь грязными руками. И молодой реальный политик, представитель некоей «пролетарской партии», подымает грязные руки на банкира с чистыми руками и убивает его еще раньше, чем от Гуго успевают отречься те, кто его поддерживал и вооружил, т. е. «пролетарская» партия, таким образом полностью себя компрометирующая.

Пьеса Сартра «Грязные руки» с треском провалилась. Даже друзья и почитатели Сартра вынуждены были признать, что в ней «вместо живой крови течет какая-то сыворотка. Люди в пьесе — лишь носители идей Сартра, они ими заполнены, как бутылки, до самого горлышка». Однако уничижительные рецензии неизменно заканчиваются патетическими словами о «смелости и честности» Сартра-политика.

В действительности же смелые и честные люди Франции хорошо знают, что всеми этими перьями, извергающими потоки мутной «философии», пропагандирующими в «терминах свободы» или в «терминах судьбы» всякие «невозможности», лишь бы очистить путь американскому доллару, — всеми этими продажными перьями водят одни и те же грязные руки международной реакции.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—01735